

Александр
Кваченюк-Борецкий

НЕРАЗГАДАННОЕ УБИЙСТВО

Современный детектив

Александр Кваченюк-Борецкий

**Неразгаданное убийство.
Современный детектив**

«Издательские решения»

Кваченюк-Борецкий А.

Неразгаданное убийство. Современный детектив /
А. Кваченюк-Борецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747172-9

Делая трудный выбор между давней дружбой с Германом Дотом и торжеством закона, Оксана Худоярова выбирает последнее. Она дает свидетельские показания против молодого человека, которые грозят ему пожизненным сроком.

ISBN 978-5-44-747172-9

© Кваченюк-Борецкий А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
3	17
4	18
5	20
6	22
7	24
8	26
9	28
10	31
11	32
12	34
13	37
14	39
15	43
16	45
17	48
18	50
19	52
20	55
21	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Неразгаданное убийство
Современный детектив
Александр Эдуардович
Кваченюк-Борецкий**

© Александр Эдуардович Кваченюк-Борецкий, 2016

ISBN 978-5-4474-7172-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Гера Дот с некоторых пор вел дневник. Точнее, он вел его со школьных лет. Этак, с пятого класса, а то и раньше! Он начал это делать после того, как ему родная мать объяснила, что его имя и фамилия созвучны с именем великого греческого историка Геродота. Герка вначале не придавал этому никакого значения, но его родительница, Валентина Денисовна, была настойчива в своих устремления сделать своего сына образованным человеком, а, значит, достойным гражданином своего общества. Только, возможно ли, оставаться таковым там, где этого гражданина ни во что не ставят. Или ставят, но совсем не так, как нужно! Об этом много лет спустя с огорчением, которого не мог скрыть, думал Герман. Но, тем не менее, после того, как его отец, Виталий Семенович, бросил семью и ушел к другой молодой женщине, Валентина Денисовна, была для него всем! И, не желая огорчать ее, он никогда не перечил ей. Будто бы наперед знал, что вскоре должно было произойти то, что произошло. Но об этом... Об этом он не мог вспоминать без слез... Он брал в руки огромную, похожую на энциклопедию и уже слегка потрепанную от времени, книжку с заглавием «История Древней Греции», которую в далеком детстве подарила ему родительница, и перелистывал страницы. В свое время он старательно прочитывал их одну за другой... Тогда ему это было интересно. Он вел дневник, приспособив под это дело толстую тетрадку. Вначале одну, потом вторую... Это были восьмидесятые годы прошлого века, и компьютеров тогда еще в помине не было. А потом, когда он уже учился в десятом классе, Валентина Денисовна купила ему новенький комп! То-то радости было! Он возобновил свои записи, но уже на специально отведенном для этого сайте. Прошлые бумажные талмуды он куда-то дел, так что теперь и не помнил, где они могли храниться. Да, это ему и не важно было. Ведь он, то вел свой дневник, то нет. В зависимости от настроения. Гера не знал, хорошо это было или плохо, но привычка излагать свои мысли на бумаге и на том, что позднее ее заменило, у него осталась. И будучи уже довольно взрослым, он теперь хранил свои сокровенные мысли в папке на рабочем столе своего компа.

Герман частенько с улыбкой вспоминал, как школьные учителя, вызывая его к доске, произносили его имя и фамилию и при этом забывали в нужном месте выдержать паузу. Получалось звукосочетание, которое вызывало смех у его одноклассников.

– Зря вы с отцом дали мне такое имя! – возмущался Герман, когда приходил домой. – Надо мной в классе все смеются!

Но его мать лишь невозмутимо пожимала плечами.

– Дураки всегда смеются, когда не понимают того, что им просто не дано понять!

– Но ведь я не могу заставить их поумнеть! – возражал юноша.

– А тебе этого и не надо делать! Подтянись в учебе! Сделай так, чтобы по предметам у тебя были одни пятерки! Посмотрим, станут ли они смеяться после этого?

Герману пришлось приложить немало усилий, чтобы сперва избавиться от «хвостов», то есть, троек по двум, трем предметам, а потом стать твердым хорошистом. Но ребята, видя его старание, стали еще больше подтрунивать над ним. Они не любили зубрил. Но Герман упорно добивался цели, днями просиживая над учебниками. В конце концов, это было его желание. Почти ни с кем из мальчиков и девочек его класса он не дружил. Точнее, ему нравилась только одна девочка. Это была Окси. Оксана Худоярова. Иногда он зачарованно смотрел на нее, и она, заметив его восторженный и влюбленный взгляд, немного насмешливо кривила пухленький прелестный ротик ему в ответ. От этого лицо Германа невольно заливала краска смущения. «Неужели, и она – такая же, как все? – спрашивал себя он. – Циничная и жестокосердая?» Герман отказывался этому верить.

Он знал, что Окси была из хорошей и интеллигентной семьи. Краем уха он слышал, что ее отец и мать занимали какие-то высокие должности и оба работали в городской мэрии. Мама же Германа преподавала историю в Вузе. А бросивший их отец, Виталий Семенович Дот, работал в местной милиции. Как он говорил своему единственному сыну, когда они порой перезванивались, ловил наркоманов и прочих гадов и недоумков, мешавших нормально жить обществу.

Валентина Денисовна совсем не приветствовала, что ее сын общается с бывшим мужем. Но терпела это, как она говорила, то ли в шутку, то ли всерьез, безобразие! Она считала, что у каждого человека – своя история. И он делает ее сам. После того, как отец бросил их семью, его история в роли главы их семейства закончилась потому, что он поступил, как предатель. А предатель не может считаться хорошим человеком! Да и человеком – вообще! И, потому у него не может быть дальнейшей истории, считая от момента совершения им отвратительнейшего из поступков!.. Ведь, все хорошее, что до сих пор он привносил в их семью, без сожаления обратил в горькое воспоминание собственной рукой!.. По мнению Германа, отповедь бывшему супругу со стороны его матери хотя и являлась чересчур категоричной, но, по-своему, Валентина Денисовна была права. Поскольку она всю жизнь любила только одного человека. Им был его отец!

Как же она была безутешна, когда узнала, что однажды в жестокой перестрелке с наркоторговцами, капитана милиции Виталия Семеновича Дота убили. Он погиб, как герой! Стало быть, мама Германа оказалась голословной и и лишь относительно права на счет его отца. Конечно же, у него была собственная история! История короткая, но яркая, впечатляющая и, к тому же, трагическая. Возможно, он потому и разошелся с матерью, так как предвидел собственную кончину. Скорее всего, он полагал, что, если сделает это загодя, то Валентина Денисовна не будет уж очень сильно переживать о его внезапной гибели. Как он ошибался!

После смерти отца Герман возненавидел всех на свете, кто, так или иначе, был причастен к наркотикам. Пока Виталий Семенович был жив, он мог хотя бы изредка поговорить с ним о том, сем и, хоть, как-то отвести душу. Он считал своего отца старшим товарищем, почти другом. Теперь же Герман почувствовал себя совсем одиноко. Какое-то время он ужасно тосковал по отцу и не находил себе места. Мать много работала, чтобы прокормить себя и сына. Она приходила с работы уставшая и раздраженная. И ей было не до разговоров с ним. Она готовила пищу, стирала грязное белье, прибиралась по дому и считала, что этого было вполне достаточно, чтобы, в глазах собственных и сына, являться образцовой матерью и хозяйкой. В конце концов, Герману тогда уже исполнилось шестнадцать лет, и он мог вполне обойтись без ее нравоучений и советов по поводу того, как ему дальше жить. Герман, следуя назиданиям Валентины Денисовны, год от года учился все старательнее и по многим предметам имел отличные оценки. Чего же было о нем переживать? Ей казалось, что с ее сыном – все в порядке. Но лишь казалось...

Из худосочного мальчугана, каким был прежде, Герман вдруг как-то внезапно превратился в стройного широкоплечего юношу. У него были темно-карие глаза, в которых прятался недоверчивый и в то же время страстный огонек, русая шевелюра до бровей. Овальные скулы, сходящиеся в острый решительный подбородок. В общем, он был довольно симпатичным парнем. И даже жгучая брюнетка Окси со светло-голубыми, почти прозрачными, как у белой волчицы, глазами, слегка вздернутым кончиком носа: ровно настолько, что это делало все ее лицо на редкость обворожительным, и приподнятыми уголками на французский манер в меру пухлых губ время от времени теперь заглядывалась на него. А – не как прежде...

– Я тебя провожу? – однажды после уроков, набравшись смелости, предложил ей Герман.

– Проводи! – кивнула она с затаенной улыбкой.

– А для чего ты сделала?..

Герман слегка замялся.

– А!.. Это!..

И, высунув язык, она, ничуть не смущаясь, завибрировала им. Самый кончик языка был проткнут серебряным колечком.

– Так лучше держать язык за зубами и лишнего не сболтнуть!

И Окси звонко рассмеялась.

– Когда школу закончим, я еще один пирсинг на нижней губе сделаю и над...

Она выдержала короткую паузу.

– Бровью! Правой бровью!

– Почему – над правой?

Она беззаботно пожала плечами.

– Я так хочу и – все!

– А еще – где?

– Что – где?..

Она загадочно и немного кокетливо улыбнулась.

– Ты имеешь в виду... «Эти» места?

Герман согласно качнул головой.

– Эти самые!

– Я про это пока что не думала!

И она сдержанно хихикнула.

– А тебе-то – что?

– Мм... Говорят, что это – очень сексуально!

Зрачки ее вдруг потемнели, и оттого искорки, засверкавшие в них, сделались еще приметнее.

Герман отвел свой взгляд в сторону оттого, что ему стало как-то не по себе. Ему внезапно показалось, что на него смотрела не шестнадцатилетняя девчонка, у которой в голове – ветер!.. Его буквально испепеляла своим огненным взглядом уже довольно взрослая и страстная женщина, которая доподлинно знала, чего хотела в этой жизни! Настоящая мегера!

Они шли вдоль домов по тротуару, выложенному красным булыжником. Это была одна из центральных улиц города.

– Может быть, как-нибудь в кино сходим? – с трудом сглотнув слюну, и заметно нервничая, спросил Герман.

Все-таки это было впервые, когда он с самой красивой девушкой в их классе оставался один на один да еще приглашал ее на свидание.

Окси с прищуром и в то же время изучающе вновь посмотрела на него.

– Что? Не хочешь?

– Не в этом – дело!

– А – в чем?

Окси, словно сомневаясь, надо ли ей было говорить ухажеру то, что крутилось у нее на уме, в который раз пожала хрупкими плечиками.

– Да, ты спросил об этом как-то неуверенно! Боишься, что откажу?

Герман упрямо мотнул головой.

– Нет, не боюсь!

Окси презрительно фыркнула.

– Ты всегда – такой нерешительный? Хотя по виду...

Но она не договорила, так как в ту же секунду послышался громкий визг тормозов, и какая-то легковушка припарковалась у обочины дороги. В нескольких шагах от них...

Затем дверка открылась, и из машины появился brutальный и угрюмый на вид тип. Герман успел заметить, что у него были длинные немного волнистые темные волосы. Если к этому прибавить дерзкое выражение лица и горящие каким-то странным огнем, словно этот молодой человек был слегка не в себе, иссиня черные глаза, можно было без труда догадаться, что именно привлекало в нем Окси. Он не спеша уверенной походкой направился к остолбеневшей парочке.

– Ты почему вчера не позвонила? – грубо спросил он, почти вплотную подойдя к девушке. – А это – что за медик?

Тип угрюмо сдвинул брови.

Окси показала удивительно ровный и белый ряд зубов.

– Да, так! Учимся вместе...

– Ну, все, приятель, ты – свободен! – рявкнул брутал, от которого веяло какой-то невестройной внутренней силой и мощью. А еще – ужасной самонадеянностью и нахальством.

Схватив за руку, он потащил Окси к обочине дороги. Она не особенно сопротивлялась, но в то же время, как Герману показалось, не испытывала особенного желания следовать за ухажером. Потом они юркнули в тачку. Это был «Порш Кайен» черного цвета. Тот парень сел за руль, а Окси рядом – с ним.

Так вот, значит, как? Чего же она ему при встрече глазки строила? А этот тип откуда взялся? Может, они заранее все подстроили, и она поехала с ним, чтобы марку свою поднять. Нос, ему, Герману утереть. Хотя, вряд ли! Это был состоя-тельный фраер. Наверно, его родители тоже были шишки на ровном месте или занимались серьезным бизнесом, раз их отпрыск на такой тачке колесил.

– Что такое с тобой стряслось? – с тревогой спросила у сына Валентина Денисовна, придя с работы, и застав его не за зубрежкой учебников, а лежавшим на диване в гостиной и угрюмым взором, буравившим потолок.

Для нее это было так непривычно, что, вместо того, чтобы быстренько переодеться и, как обычно, приняться за готовку ужина, присев рядом с Германом на диван, она пристально посмотрела ему в глаза.

– Да, ничего особенного! Устал немного! – неохотно ответил Герман.

– Неправда! – возразила женщина. – Прежде я тебя никогда таким не видела?

Проявляя заботу о сыне, Валентина Денисовна легонько провела ладонью по его волосам. Сын был единственным в этом мире, кто был ей по-настоящему дорог, хотя она не всегда показывала ему это, чтобы не воспитать из будущего мужчины слюнтяя и хлюпика.

– Ну, же, говори!

– Отстань, мать! Прошу тебя!

На лице женщины вдруг мелькнула догадка! Ее сын был довольно взрослым и в его плохом настроении вполне могла быть виновата какая-нибудь из девчонок в его классе. Или во дворе...

– Влюбился, что ли? – с сочувственной улыбкой, как бы, между прочим, поинтересовалась она.

– Какая разница!

Но Валентина Денисовна пропустила мимо ушей показную грубость сына.

– И кто – она? Неужто...

– Мама! Я прошу тебя не вмешиваться в мои личные дела! Я как-нибудь сам в них разберусь!..

– А вот – это, вряд ли!

Герман недоверчиво посмотрел на нее.

– Это еще – почему? Что, я, по-твоему, дитя малое? Я – уже взрослый!

– Хо-хо! Надо ж, насмешил! Девушки-то у тебя никогда не было! А, тем более, такой, как ваша хваленая отличница Оксана... Как ее? Худоярова!

Герман с немым удивлением посмотрел на мать.

– Откуда ты про нее знаешь?

– Как откуда? Я ведь на классные собрания регулярно хожу. Забыл, разве?

Герман пренебрежительно фыркнул.

– Ну, да! Конечно!

– А ты думал!

– От тебя ничего не скроешь!

– Вот именно!.. И еще...

– Что – еще-то? – возмутился Герман. – Оставишь ты меня в покое или нет?

– Оставлю! Зря не беспокойся! Совет только тебе один хочу дать...

– Интересно, какой?

– Мудрый совет! Ведь, согласишься, ты мне – не совсем чужой...

– Слава богу, наконец-то, ты призналась в том, о чем я даже не догадывался!.. Я-то думал, что в свое время вы меня с отцом из детдома взяли и потом усыновили...

– Не стыдно тебе такое говорить?

Мать с укоризной покачала головой.

– Ну, да ладно! На твоей совести останется... А совет я тебе вот какой хочу дать!

Герман внимательно посмотрел на Валентину Денисовну. Уж не разыгрывает ли его родительница? Какой совет может дать женщина средних лет, у которой нет ничего на уме, кроме ее работы и, помимо этого, необходимости каждый вечер торчать у плиты, ему, современному молодому человеку, по уши влюбленному в невероятно красивую девушку? Влюбленному настолько, что один ее взгляд, точно глоток небесного коктейля, пьянил его так, что напрочь отшибал мозги!

– Ладно! Давай свой совет! Но знай, что я поступлю, все равно, по-своему!

– Поступай, как знаешь, но я хочу, чтобы ты держался от этой Худояровой, как можно, дальше!

– Вот так – совет!

Герман даже не пытался скрыть, что был просто ошарашен.

– Не ожидал я от тебя такого! Неужели, ты сама никогда не была влюблена? А может?.. Но слова, которые юноша хотел, было, уже произнести, вдруг застряли у него в горле.

– Что – «может»?

– Ты ревнуешь меня к ней? Ну... Как сына?

– Вишь, что придумал! – рассердилась Валентина Денисовна.

– Тогда...

– Не пара она – тебе! Чует мое сердце, не пара! Зубы ты об нее сломаешь, и – только!

– С чего ты это решила? – спросил Герман, хотя понимал, что доля истины, и немалая, в словах матери, конечно же, есть.

– Сам подумай, кто – ее родители, и кто – я!

Но Герман был еще тем упрямцем. К тому же, Оксана ему уже не то, что в печеньку въелась... Это было бы полбеда!.. Она уже давно жила в его сердце и являлась в нем полновластной хозяйкой, хотел юноша того или нет.

– Причем здесь – ты?

– Как причем? – не унималась мать. – Встречают-то по одежке! А сие значит, что как только эта балованная девчонка почувствует над тобой власть, она будет крутить тобой и вертеть, как захочет! А до серьезного у вас дело, как ни крути, не дойдет! Знаем мы этих пупков

земли, это светское общество, как облуپленных. Сидят на шее у народа и его же ни в грош не ставят...

– О чем – ты, мать? Какие пупки, какого...

– Такие! И не вздумай смотреть даже в ее сторону!

Иначе, как я тебе уже говорила, все закончится для тебя плохо! Вытрет она о тебя ноги, а потом от ворот поворот даст!.. Папа с мамой, уж, как-нибудь присмотрят ей женишка побогаче, а не такого, как ты!

– За что ты так этих людей ненавидишь? – с горьким удивлением спросил Герман. – Ведь ты даже не знаешь их!

– Не знаю, говоришь? А зачем мне их знать, скажи на милость? Хватит с меня того, что твой отец погиб! Разве, было при прежней власти столько наркоманов и пьяниц, богатеев и нищих? Вот из-за этой всей кутерьмы, вседозволенности, твоего отца и не стало... Люди перестали жить по совести! Всех интересуют только деньги! А за деньги некоторые подонки на все готовы!..

И мать в сердцах, махнув рукой, быстро утерла непрошенную слезу.

На следующий день, выбрав удобный момент, Герман первым подошел к Окси.

– Этот тип на тачке!.. Он – твой парень? – безразличным тоном поинтересовался он, вперив свой взгляд в подбородок девушки.

Ему казалось, если их взгляды встретятся, она сразу все поймет. Поймет, как тоскует по ней его юное и наивное сердце. Сколько в нем таится неразделенной любви и боли, от которой Герману хотелось порой, ну, просто выть!

Легкий румянец появился на ее щеках.

– Спросил бы что-нибудь полегче!

Повернувшись к Доту спиной, она собиралась уже уйти.

– Тебе – что, ответить заподло?

– Моя личная жизнь никого не касается! Тебя – в том числе! Понял?

Но Герман, решив настоять на своем, неожиданно взял ее за локоть. Из-за смущения и неловкости, которые он испытывал, находясь рядом с ней, у него это вышло довольно грубо.

– Постой! Я с тобой еще не договорил!

Окси вырвала локоть. Резко крутанувшись на сто восемьдесят градусов, и, оказавшись лицом к лицу с парнем, она гневно сверкнула на него глазами.

– Мы, ведь, вроде бы, в кино с тобой пойти договаривались?

– А больше?... Больше ты ничего не хочешь?

– Уговор – дороже денег! – как можно категоричнее заявил Герман, чувствуя предательскую дрожь в коленях.

– Хм...

Девушка хитро прищурилась.

– Не припомню, чтоб я обещала пойти с тобой куда-то!..

Герман стоял посреди школьного коридора и с грустью смотрел девушке вслед. Нет, этот тип на довольно крутой тачке явно, на свой лад, перепрограммировал ей мозги! А, может, Окси была просто не в настроении. Герман уже не знал, что думать. Он решил, что после уроков обязательно проводит Худоярову домой. Если, конечно, она это позволит ему...

Был очень теплый весенний день. Герман, стоя в школьном дворе, дожидался девушку.

– Окси! – окликнул он, когда ее каблучки бойко застучали по асфальту, в который была закатана площадка перед школой.

Но, проследовав мимо своего воздыхателя, Худоярова даже не посмотрела в его сторону.

– Да, погоди же, тебе говорят!

Но девушка, прибавив шагу, была уже за пределами школьного двора, который окаймляла декоративная ограда из крашенных металлических прутьев полуметровой высоты. Постояв с минуту или две в полной растерянности, Герман вдруг стремглав кинулся за ней. Очутившись на тротуаре подле проезжей части, он краем глаза успел заметить рукав желтой куртки Окси, показавшийся из машины, до того, как захлопнулась дверка того самого черного «Порш Кайена», припаркованного на некотором удалении от школы. Ну, и – черт с тобой! Герман в сердцах решил, что мать была права, и Окси – совершенно не его поля ягода! Но почему-то против собственной воли, решительно шагнув на проезжую часть, он махнул рукой следовавшему мимо него «Такси».

– Вон за той черной иномаркой езжайте!

И Герман указал на свернувший в это время за угол ближайшего дома «Порш Кайен». Водила криво усмехнулся.

– Деньги-то есть, приятель? Я, ведь, задаром никого не вожу! Усвоил?

Герман торопливо кивнул.

– Я заплачу! Только не упустите их из виду!

Шеф, крепче сжав баранку, нажал на газ.

– За бабки я тебе и за самолетом с реактивным двигателем успею, а не то, что за этим чернильным пятном на колесах!

В ответ на эти слова, не лишенные оригинальности и чувства юмора, Герман лишь еще плотнее сжал зубы. Шеф должен был понимать, что ему теперь – не до шуток.

Минуты через три «Такси» уже почти вплотную следовало за черным «Поршем». Юноша даже отчетливо увидел затылок того типа и роскошные темные волосы Окси, раскиданные по ее плечам и резко контрастировавшие с курткой, похожей на яичный желток.

Примерно минут через двадцать «Порш» плавно притормозил возле какого-то по виду очень престижного кафе с кричащей вывеской. Приглядевшись внимательней, Герман прочел: «Чужая Галактика». Название было многообещающим!

– Ну, что, брат! Расплачиваться будем?

– Сколько я должен? – спросил Герман, не сводя глаз с Окси и ее ухажера.

Выйдя из машины, они направились к дверям кафе.

– Хватит?

Герман сунул в руку таксиста тысячерублевую бумажку.

– Более чем!

– А – сдачу?

Водила хмуро глянул на своего нерадивого пассажира.

– Слушай, Шерлок Холмс, или как там – тебя? Ты – что, хочешь, чтобы я рассказал хозяину этого болгарского «чернослива», что ты за ним и его девкой шпионил?

Этого аргумента было достаточно, чтобы, больше не говоря ни слова, Герман тотчас пулей вылетел из «Такси». Если Окси и впрямь узнает, что он за ней следил... При этой мысли юноше стало не по себе. Он услышал, как за его спиной шумнул двигатель, а когда оглянулся, то обнаружил, что «Такси» уже и след простыл.

Приблизившись к «Поршу», Дот увидел прямо возле колеса нечто, невольно привлечшее его внимание. Он наклонился и поднял с асфальта... Это был белый целлофановый пакетик.

– Вот черт!

Незаметно для себя юноша произнес это вслух. Неужели?..

Мучаясь в догадках, он машинально сунул свою находку в карман. Окси и ее хахаль не теряли времени зря! Или нет, не так! Наверняка, находка Германа принадлежала не Окси, а тому типу, который зачем-то втягивал ее в свои грязные делишки! А, может быть, ребята просто весело проводили время? Хотя одно другому не мешает.

Потянув дверь за ручку, Дот вошел в кафе. Но на его пути тотчас выросла живая преграда в виде того, кто бдительно стоял на страже завсегдатаев кафе.

– Где – глобус?

– Что? – не сразу понял Герман.

– У нас вход – строго по гостевым карточкам! По-нашему – «карта мира» или «глобус»! – пояснил бдительный страж очень прибыльной тусовки.

– А я могу приобрести такую хрень? – как можно развязнее спросил Дот, стараясь придать своему лицу подобающее случаю выражение.

Вышибала недоверчиво глянул на юношу.

– Паспорт и тысячу баксов! И со всем этим – к папе Римскому!

На физиономии Германа появилось легкое недоумение.

– К администратору клуба, значит!..

И вышибала ткнул пальцем в пустынный коридор, располагавшийся по правую руку от входа.

– По коридору – прямо! Потом – вторая дверь налево!

Но, как «назло», паспорта, конечно же, у Дота с собой не оказалось.

2

На следующий день Окси не пришла в школу. Это было странно! Но еще более странным оказалось другое... Едва урок начался, как без стука распахнулась дверь, и в нее вошел... Человек в полицейской форме!

– Вы разрешите? – спросил он, глядя на растерянно хлопавшую ресницами математичку.

– А директор?..

– Не волнуйтесь! Он – в курсе!

– А в чем, собственно, дело?

– Вот об этом я и хотел...

В это время, запыхавшись, в класс буквально ввалился директор школы. Это был мужчина средних лет. За непомерную полноту школяры за глаза прозвали его «Боровом». Наверно, это было лишь отчасти справедливо потому, что никто и никогда не слышал, чтобы этот Боров хотя бы однажды невзначай, неважно тихо или громко, хрюкнул.

При его появлении вздох облегчения вырвался из груди математички.

– Ребята! – начал директор. – Сейчас инспектор задаст вам пару вопросов... Я правильно вас понимаю?

И Боров зачем-то посмотрел на инспектора.

– Не совсем! Вопрос будет только один...

– Ну, тем лучше! А то, сами понимаете, у детей скоро экзамены...

Вряд ли, это нужно было объяснять инспектору.

– Кто из вас последним видел Худоярову? – спросил он ровным голосом.

Его взгляд почему-то остановился на Германе.

– Вот он и видел! – сказал кто-то из девчонок и ткнул пальцем в Дота.

Примерно минут через сорок Герман уже сидел в полицейском участке.

– Ну! Рассказывай...

Мент в чине старшего лейтенанта буквально прожигал его своим взглядом. Только теперь Дот обратил внимание на его внешность. Нос у полисмена был бульбочкой. Брови белесые. Глаза светло-серые на выкате. Большой покатый лоб и тяжелый подбородок. Когда он говорил, то частично обнажался неровный ряд его желтых нижних резцов. И, впрямь, внешне он чем-то напоминал бульдога в человеческом облике. Только бы не укусил!

Но, видимо, старлей не собирался этого делать, понимая, что перед ним сидит совсем еще мальчишка.

– В неприятную ты, парень, попал историю, прямо тебе скажу!

Голос у него был немного хриплый, видимо, от привычки к курению.

– При чем тут – я?

Дот едва не поперхнулся собственной слюной от возмущения.

– Все видели, как в тот день ты буквально преследовал по пятам Худоярову!

– Говорю же вам, я просто хотел с ней поговорить! Но она села в чужую машину...

– Какую машину?

Взгляды Дота и въедливого старлея скрестились, как шпаги.

– Черная иномарка... «Порш кайен», кажется!

– Так, «кажется», или все-таки «Порш»?

– Я не особенно разбираюсь в машинах... А у этой под дверкой багажника надпись была...

– Напиши на бумаге!

Старлей сунул ему листок бумаги и ручку.

После чего Герман старательно вывел на этом листке «Porsche Cayenne».

– Косоглазая такая тачка! Передние фары у ней, как две запятые!

– Передние? – удивился дотошный полисмен. – А – задние?

– Задние, вроде бы, обычные!

– Когда это ты успел спереди ее разглядеть? Такое впечатление, что ты и прежде видел эту тачку!

Дот пожал плечами.

– Может, и видел! Точно не припомню!

– Так, так... Говори! Где видел? Когда? Я тебя внимательно слушаю!

– Да, больше-то мне, вроде бы, нечего сказать!

– А что – так? Быть может, ты что-то от нас скрыть хочешь?

– Я? Скрыть?!..

– Так, не я же!

– Что такое вы несете! – невольно вырвалось у Дота.

– Что ты сказал, сопляк?

Встав из-за стола, старлей вышел в коридор и кликнул кого-то.

Вскоре в кабинет вошел полицейский в чине сержанта.

– Федор! Отведи его в клетку! Пусть посидит, подумает хорошо! Может, чего вспомнит...

Сержант кивнул на дверь:

– Шевели булками!

– Да! И пошерсти его хорошо! Вдруг что интересное найдешь...

– Ты, думаешь?

Федор вяло ухмыльнулся.

– На всякий случай!

– Давай, шагай, шагай! Чего встал? – прикрикнул трехлычник¹ на юношу, который, не совсем понимая, что происходит, нехотя поднявшись со стула, стоял посреди кабинета, как будто громом пораженный.

– Вы – что, меня арестовать хотите?

– Не знаю, не знаю...

Старлей ехидно осклабился.

– Там видно будет!

– Любопытно, за что?

– Ступай, говорю!

И Федор, грубо схватив Дота за шкиряк, поволок его в коридор.

– Я никуда не пойду!

Рванувшись из всех сил, Герман попытался высвободиться... Но хватка у сержанта была бульдожья.

– Сопротивление сотруднику органов, знаешь, чем грозит?

Стоя в шаге от полицейского и, тяжело дыша, Герман испуганно таращился на него, как видно, все еще надеясь на чудо.

– Я ни в чем не виноват! Как вы не можете этого понять?

Старлей с угрожающим видом приблизился к Доту.

– Послушай, ты, сосунок! Или ты сейчас же отправишься в камеру или... Или тебя туда отнесут на носилках!

¹ Трехлычник – сержант.

Вскоре на шум в кабинет следователя примчались еще двое людей в форме. Один из них, не говоря ни слова, скрутил буяну за спиной руки. Послышалось, как клацнули наручники.

– Товарищ старший лейтенант, надо бы пошарить у него в карманах! У современной шпаны там много чего может быть...

Другой полицейский, из тех, что, словно по мановению волшебной палочки вдруг очутились в кабинете, поддержал первого.

– Мы недавно такого же вот петушка... Ну, года на три постарше, в подворотне брали, когда он к прохожим приставал, так этот гаденыш моего напарника так ножом полоснул, что, едва на тот свет не отправил... Потом, выяснилось, что он еще и травматiku с собой таскал... Вот только достать не успел...

– Да, нет у меня никакого ножа! – затравленно озираясь по сторонам, возразил Дот.

– Вот мы и проверим! Если – что, сразу, как вещь-док к делу пришьете, товарищ старший лейтенант! Чего с этим волчком миндальничать... На нары его определять пора... Он – совершеннолетний?

И полицейские дружно запустили свои ручища в карманы Дота. Лишь теперь Герман с ужасом вспомнил о том самом белом пакетике, который он нашел возле «Порша» Оксинаго дружка и небрежно опустил в карман собственной куртки. Это было роковой ошибкой!

– Ну-ка, ну-ка! А это, по-твоему, что?

Один из полисменов потряс в воздухе полиэтиленовым пакетиком с белым порошком.

При виде подобной находки у старлей, аж, глаза из орбит едва не выскочили.

– Не зря старались, товарищ старший лейтенант! – почти обрадованно воскликнул полисмен, пару или немногим более минут назад застегивавший на запястьях Дота наручники.

Протянув руку, старлей осторожно, словно боясь, что пакетик, как речной линь, выскользнет из его цепких рук и, нырнув в мутные воды, навсегда исчезнет в них, зажал его между двух пальцев.

– Что ты на это скажешь, приятель?

Герман, понимая, что впервые в своей жизни совершил, наверное, самую страшную и непоправимую ошибку, заметно побледнел.

– Скажу, что...

– Да, чтоб ты теперь не говорил, влип ты по самое не хочу, братишка!

И старлей, кивнув на стул, приказал.

– Садись и пиши, как все было! И очень подробно пиши! Добровольное признание – в твоих интересах! Снимите с него наручники! Пока снимите...

Следователь положил на стол чистый лист бумаги и ручку.

– Наркотики – это не наш профиль! Твое дело мы передадим в отдел по борьбе с организованной преступностью... Пусть они сами там с тобой вошкаются. Но предварительное расследование мы обязаны провести...

3

Примерно часа через два дверь в одиночную камеру открылась.

– Выходи! – властно прозвучал голос конвойного.

Миновав сумрачные коридорные лабиринты, вскоре Дот снова оказался в том же самом кабинете следователя.

– Повезло тебе, парень!

И старлей как-то невесело посмотрел на Германа.

– Ты свободен!

– Как свободен?

Дот ушам своим не верил.

Выйдя из полицейского отделения, он не шел по улице, а словно на крыльях парил и потому даже не заметил, как очутился дома. Он посмотрел на настенные часы. Было уже далеко за полдень.

Что – с Окси? Наверное, она нашлась, раз его так быстро отпустили. Скорее всего, это ее родитель постарался, чтобы дело, которое для Германа могло обернуться очень плохо, тотчас замяли. В признательном показании, которое его заставил написать следователь, Дот ни словом не обмолвился о том, что следил за Окси вместе с ее ухажером. И, что его тачка, возле которой он обнаружил пакетик с наркотой, притормозила возле этого странного заведения с не менее странным названием «Чужая Галактика». Герман соврал старлею, написав, что случайно нашел белый порошок, когда шел из школы домой. Он не хотел для Окси неприятностей. После ее загадочного исчезновения Дот уже ничуть не сомневался, что порошок принадлежал тому типу, хозяину «Порша». Но, подставив его, он бросил бы и тень подозрения на девушку, которую любил.

Герман вдруг вспомнил слова матери о том, что «эта Худоярова» ничего не принесет ему, кроме горя, и следовало держаться подальше от нее. Неужели, Окси не знала, что имеет дело с нехорошим парнем? К тому же, у него водились наркотики! Дота это не то, чтобы обескуражило до такой степени, что его любовь к девушке стала охладевать. Нет, скорее, это его насторожило и заставило всерьез задуматься. Задуматься над тем, что жизнь, как видно, не простая штука, и в ней очень много подводных камней. И, столкнувшись с одним из них его судьба, словно утлое суденышко, едва не опрокинулась кверху дном. Если Валентина Денисовна узнает о том, что с ним приключилось сегодня по вине Окси... Но ей об этом лучше было ничего не рассказывать!

4

Когда на следующее утро Дот пришел в школу, то тут же выведал у ребят, что Окси в классе, пока что, так и не появлялась. На перемене кто-то из них сказал ему, что теперь Худояровой не будет в школе до конца учебного года. То есть, последней четверти! Она придет только, когда начнутся экзамены.

Сердце у Дота тупо заныло. Надо ж было ему так втюриться в эту девчонку! Может быть, подкараулить Окси возле ее дома? Так или иначе, но взаперти дни и ночи напролет она сидеть не будет. Хотя после того, что случилось, Окси, вряд ли, станет с ним разговаривать! Да и что он скажет ей? Что нашел пакетик с герычем возле «Порша»? А следовательно из местного отделения полиции едва не пришел ему статью? Сидеть бы ему из-за этого... Герман даже представить себе не мог, что подобное могло с ним случиться.

Дот решил на время забыть о существовании Окси, хотя подобное намерение вызывало в его душе яростный протест, и переключиться на подготовку к предстоящим экзаменам, на которых он, наверняка, увидит ее.

Но его мечтам не суждено было сбыться! На выпускном вечере Окси также не присутствовала. Наверно, ее влиятельные родители хорошо позаботились о том, чтоб их дочь раз и навсегда исчезла из поля зрения бывших одноклассников. Возможно, оберегая свое чадо от разного рода пересудов, они поступили правильно. Но Герману от этого было не легче.

Получив школьный аттестат, он подал документы на журфак университета.

– Я что-то тебя не очень понимаю! – недоумевала Валентина Денисовна. – Всегда историю любил, а статью хочешь писакой задрипанным!

– Почему задрипанным? Может, я романы писать буду!

– Ага! Сейчас! Держи карман шире!

И Валентина Денисовна пренебрежительно фыркнула.

– Для этого особенный талант нужен! А у тебя его нет!

Но Герман был невозмутим.

– Откуда ты знаешь? Вот стану великим писателем, тогда посмотрим!

Но Валентина Денисовна упорно придерживалась собственной точки зрения.

– Ты знаешь, сколько их сейчас развелось, писак этих? Как собак не чесанных! И все хрень одну пишут! Про бандитские разборки, про плотские страсти... Всякие там детективчики... В общем, легкое чтиво. Настолько легкое, что когда читаешь, ни одну мысль или фразу ухватить невозможно! Поэтому и в голове после этого ничего не остается! Словно вместе с текстом, который ты пропустил через извилины, все, что было в них ценного, куда-то тоже пропало. Может, ветром куда унесло... А, скорее всего, уносить было просто нечего!..

– Значит, ты все-таки согласна, что от хорошей литературы многое зависит?

– От хорошей, может быть! Только, где ее взять? Как сказал, не помню кто... Короче, дай припомню! А! Вот! Он сказал, что есть литература, а есть макулатура! Так, кажется! Есть беллетристика, а есть белибердистика! Ха-ха!

И Валентина Денисовна впервые за долгое время от души рассмеялась.

– Ну, мать, ты – и заноза! – искренне удивился Герман. По-твоему выходит, что я – полная бездарность!

Женщина растерянно захлопала ресницами.

– По-моему, я такого не говорила! Просто мне кажется, что писательство – это не совсем твоя стезя. И, если ты не хочешь остаться без куска хлеба с маслом, то лучше об этом и не мечтать! Хорошо оплачиваемых авторов, ты сам знаешь, у нас по пальцам пересчитать... Остальные в стол пишут!

– Так, может, я и буду одним из немногих? – не сдавался Герман.

Валентина Денисовна в досаде махнула рукой.

– Жизни ты, сынок, совсем не знаешь! А еще книжки сочинять собрался... Это тебе...

Морща лоб, она тщетно силилась найти нужные слова.

– Не пим дырявый на босую ногу надеть! – подсказал Герман.

Морщины на лбу Валентины Денисовны разгладились.

– Вот-вот! И не левой пяткой за правым ухом почесать...

– А ты – что, пробовала, да? Признайся честно?

Герман не знал, говорила родительница взаправду или только подтрунивала над ним.

– Пробовала! Только это давно было... – немного помедлив, сказала Валентина Денисовна. – Ничего особенного! Языком до кончика носа достать, намного сложнее! Хотя – вполне реально, если хорошо потренироваться...

– Вот видишь! Язык – это сила! Ты сама сейчас в этом призналась! Многие люди из-за того, что читают плохие книжки, общего языка между собой найти не могут. И от этого сильно страдают! Оскорбляют, калечат, убивают друг друга!

– По-моему, так, ты слишком большую роль отводишь этому самому языку!

– Не слишком! Если бы ты не использовала его не по назначению, то тоже могла бы стать писателем...

Герман изрек это, не моргнув глазом..

– Давай, давай! Смейся над матерью! Лучшего к себе отношения она, конечно же, не заслужила! – немного обиделась Валентина Денисовна.

Но Дот и не думал смеяться. Он действительно верил в то, о чем говорил.

– Ну, и на какую тему ты собрался писать свою первую книгу? Точнее, каков – ее сюжет?

Герман не знал, что ответить.

– Вначале надо руку набить!.. А вообще-то...

Мать внимательно посмотрела на сына.

– Что – «вообще»?

– Это будет книга о любви! О любви и ненависти!

– Что? Все никак свою Оксанку забыть не можешь?..

И, помолчав, Валентина Денисовна добавила:

– Слышала я, влипла она в какую-то темную историю! С родителями крепко повздорила! Так они теперь в четыре глаза за ней смотрят. Из дому никуда не выпускают. Ты ничего об этом не знаешь? Что в школе—то говорят?

– Да, ничего особенного! – соврал Герман.

Ему, конечно же, не хотелось, чтобы его матьхватила кондрашка. Это в том случае, если бы она узнала об истории с Худояровой хотя бы часть из того, о чем, даже под пытками, он не стал бы ей говорить.

– Гляди, не связывайся с ней! – напоследок в который раз предупредила его Валентина Денисовна. – А то порой там, где любовь, там и – кровь! Найдется и для тебя хорошая девушка. Мир – не без добрых людей!

Но Дот ничего не ответил.

5

Герман, все ж таки, хоть и вопреки воле матери, но поступил на факультет журналистики в местный ВУЗ. Учился он увлеченно и старательно, особенное внимание уделяя предметам по той специальности, секреты которой он пришел постигать в институт. Наверное, поэтому Герман не заметил, как пролетели почти три года учебы. В конце третьего курса журфака Дота отправили на стажировку в одну из городских газет. К его большому разочарованию газета оказалась желтой. Она почему-то называлась «Реликт». Ее главным редактором был мужчина средних лет с рыжими усами и светлой шевелюрой. Глаза у него были голубые с искристой льдинкой во взоре, а в выражении лица – что-то ядовитое. Шея – тонкая и длинная. Звали главного редактора Теодор Елисеевич Вернис. Герман так и окрестил его про себя «Змеем».

– А вот и – новенький! Практикант! – довольно пробасил Главный, смачно попыхивая сигаретой, едва практикант переступил порог его кабинета. – Как тебя?

– Дот! – ответил Герман.

– Это – что? Фамилия такая?

– Ну, да!

– А имя? У тебя, разве, имени нет?

– Гера! Гера Дот!

– А а а... Вот, значит, что!

Главный многозначительно переглянулся с коллегой, сидевшем по правую руку от него на кожаном диванчике подле окна.

– Слышь, Костя! Сам Геродот к нам пожаловал! Чудеса, да и только! И псевдонима не надо ему придумывать... Готовый автор крамольных статей! Понатащить его немного, и все, как по маслу пойдет...

– Угу! – согласился Костя.

Это был совсем молодой мужчина лет тридцати. Но в отличие от своего шефа он был побрит наголо и усов не носил. Зато у него из подбородка на восточный манер совком торчала жидкая бороденка. Глаза у этого мастера словесного дриблинга были немного навывкате, а уши слегка оттопырены. В левом ухе торчала золотая сережка.

– Так вот, Константин! Возьмешь молодого, зеленого под свою опеку и сделаешь из него мэтра журналистики. Я знаю, ты это умеешь лучше, чем кто-либо другой!

В ответ газетчик снисходительно ухмыльнулся.

– Константин Яровой! – представился он, протянув для пожатия Герману руку. – Ты, ведь, хочешь стать классным журналюгой?

– Еще бы! – без раздумья ответил тот.

– Отлично! Мы тебе поможем в этом, но при одном условии...

Дот вопросительно уставился на Главного.

– Каком условии?

– Да, ты не бойся! – попытался успокоить подопечного Теодор Елисеевич.

– Денег за это мы с тебя брать не будем! Наоборот! Будешь хорошо работать, значит, и гонорами не обидим!

– А?... – невольно вырвалось из горла у Германа.

Но главный не обратил на это внимания и продолжил свою мысль.

– Условие таково: после окончания института ты приходишь работать к нам!.. Ну, и, пока учишься, тоже нас не забывай. Заходи, пиши, когда время есть. Писательство, ведь, дело такое! Требуется постоянного тренажа... Ты – журналист до тех пор, пока пером скребешь

и из рук его не выпускаешь... Как только выпустил, все – точка! И стиль пропал, и мысль, живая и колкая, мимо – цели!..

Встав из-за стола, главный неспешно прошелся по кабинету.

– Ну, как? Согласен?

И Теодор Елисеевич остановился напротив Дота.

Герман думал недолго. Стать мастером пера, это было именно то, о чем он давно мечтал.

– Да!

6

Черный «Порш» плавно подкатил к одному из серых зданий, располагавшихся в сплошном длинном ряду вдоль дороги и ни чем не отличавшимся от остальных, и остановился, прижавшись к пешеходной дорожке. Затем дверка открылась и из машины вышел широкоплечий молодой человек в джинсовке и темных очках. Подойдя к двери кафе с вывеской «Чужая Галактика», он потянул за ручку... Войдя в помещение, посетитель заведения едва нос к носу не столкнулся с охранником.

– А я, уж, думал, кто другой пожаловал! Не из нашенских...

Охранник тотчас сделал шаг назад, высвободив дорогу входящему.

– Думал! Индюк тоже думал, но от этого академиком не стал!

Секьюрити, одетый в строгий костюм, сквозь который проглядывали четкие рельефы его тугих бицепсов, промолчал.

– Шеф у себя, Стасик?

– Да, пока что, здесь! – неохотно ответил тот.

Больше не говоря ни слова, переступивший порог «Чужой Галактики», где он, видимо, считался своим, вскоре исчез в полумраке коридора, который должен был привести его к тому, кого мужчина спортивного вида назвал шефом.

Постучавшись, он вошел в кабинет.

– Здравствуйте, Рудольф Савельевич!

Человек, сидевший за офисным столом, едва заметно кивнул. Во внешности Рудольфа Савельевича Шалого не было ничего примечательного. Лысый затылок, высокий, напололам словно рассеченный глубокой морщиной, лоб, над ним – темные волосы, зачесанные на пробор, редкие, словно нарочно выщипанные брови. Из-под них на мир опасно и несколько мрачно взирали светло-карие, как у дикой кошки, немо урчащие, хищные глазки. Да, черные усики...

– И тебе того же желаю, Василий! – наконец, сквозь зубы процедил Шалый.

– Садись! Разговор серьезный будет!

И хозяин кивнул на стул.

Василий сел, почему-то сосредоточив взгляд на полированной крышке стола.

– Рассказывай, как твои успехи?

– Что-то в горле пересохло, Рудольф Савельевич!

– Першит, говоришь?

– Ну, да!

– Так, может, тебе стаканчик вина налить? А? Не желаешь?

В тоне хозяина кафе прозвучали язвительные нотки.

– Да, нет! Спасибо на добром слове. Я бы лучше воды из графинчика... Если не возражаете!

– Гм... Так выпей, коль усох, как кактус в пустыне!

– Спасибо!

Встав со стула, Василий подошел к тумбочке возле окна. Взяв с нее графин, он плеснул в стакан немного воды и залпом выпил.

– Нажрался вчера, поди, до усеру! – не выдержал Рудольф Савельевич. – Любишь ты, Вася, не в меру поразвлечься, а дело делать не торопишься!..

И, стукнув кулаком по столу, хозяин заведения резко поднялся из-за стола.

– Где – товар, который ты обещал мне поставить еще на прошлой неделе? Где – он, я спрашиваю?

Василий растерянно захлопал ресницами.

– Так ведь я вам уже говорил, что поставку задержали из-за того, что кто-то вычислил нашего курьера! Хорошо, что до того, как капкан захлопнулся, он успел из мышеловки вовремя ноги сделать! И товар спас и сам ментам в руки не дался!.. А после этого на дно до поры залег... Сейчас за кордоном наши нового «мула» навьючивают... Скоро порошок будет здесь!

– Будет! – ехидно скривив лицо, передразнил Рудольф Савельевич. – А, если и его выпасут? Что тогда?..

И, занеся руку над головой, он почесал лысый затылок.

– Без кайфа к нам скоро клиенты ходить перестанут! И сети моих ресторанов и кафе этому придет... Сам знаешь, что!.. Ты меня понял?

И хозяин в упор посмотрел на Василия. Его красноречивый взгляд походил на неумолимый приговор, который, можно было не сомневаться, он обязательно приведет в исполнение.

– А когда это случится, я тебе гарантирую, это будет последним днем в твоей жизни! Я тебя лично... Лично грохну!

И Василий вдруг увидел направленное прямо на него черное дуло пистолета.

7

Василий Горемыкин или, как его еще называли свои подельники, Васко До Грамма, имея в виду его дотошность при приеме «товара», за который он отстегивал продавцу наличные, был крут! Очень крут! За несколько лет работы, всего лишь, второй раз, шеф откровенно выказывал ему свое недовольство. Василий не то, чтобы придавал подобному какое-то серьезное значение. Хотя совсем не принимать к сведению его слова, тоже не мог. Рудольф Савельевич, в свое время дел срок за двойное убийство. А вдруг однажды ему взбредет в голову реально исполнить свои угрозы. Но на этот случай Василий всегда имел при себе «Макаров», спрятанный под поллой куртки. Ему не составляло особенного труда молниеносно выхватить его из-за спины и пальнуть в того, кто угрожал его жизни. Тем более, что так случалось уже не раз! Сколько было на его счету трупов? Василий старался об этом не думать. У него имелась надежная ментовская крыша. К тому же, Рудольф Савельевич, которого наркодельцы за скверный характер не особенно жаловали и потому дали ему погонялово Адольф Сопельевич, не жалел денег для тех, кто обеспечивал безопасность его бизнесу. Впервые же шеф выразил Горемыкину свое недовольство, когда тот провалил дело, касавшееся выкупа помещения под новый ресторан. Чиновник администрации Худояров никак не хотел продавать недвижимость предпринимателю. И даже выставять его на аукцион, так как в этом помещении планировалось обустроить муниципальный детский сад. Именно тогда Василий решил приударить за его дочерью. Из «Чужой Галактики» он отвез ее к себе домой и продержал там до утра. Она поначалу сопротивлялась, но когда он высыпал Окси в яблочный сок очередную порцию кокса, у той мозги стали сползать набекрень. Василий продержал бы девчонку у себя дома еще пару дней, чтобы сделать Худоярова сговорчивым, но под утро к нему в квартиру нагрянула полиция!

Конечно же, Рудольф Савельевич отмазал крутого парня, буквально вырвав из лап закона, но это обошлось ему недешево.

– Придурок! Ты что не мог ее к себе на дачу увезти? У тебя ведь есть загородная дача!

– Да, туда проехать сейчас проблема! Грязи – по колено!

– Ну, так мне бы сказал! Мы вместе что-нибудь бы придумали!

– Да, я...

– Под кайфом что ли был? Вот м м... Удак! Как тебе, скажи, теперь серьезный бизнес доверить можно? Как?

– Без кайфа нельзя было! Ничего бы не получилось!

– Ты сказки мне тут не рассказывай! Все можно! Если – осторожно!

Но Василий в ответ сохранял невозмутимость.

– Я другого не пойму!

Рудольф Савельевич смерил его с ног до головы презрительным взглядом.

– Чего именно, интересно знать?

– А того! Как они на меня вышли? Насколько я знаю, о том, что я ухлестываю за Окси, ее предки ни сном, ни духом не ведали. Иначе они это дело сразу бы на корню обрубали! Кто-то на меня капнул...

– Ага! Или какнул! Птичка, например, какая... Ей плевать, на кого сверху «икру» метать!.. Царь – ты, его верноподданный или – еще кто!.. Ей все равно! А тебе... Тебе надо научиться ухо в остро держать потому, что ты – бизнесмен с криминальным уклоном, если ты до сих пор об этом не знал! И ты можешь легко все мои многолетние труды под откос пустить!

Ничего! Земля, она – круглая! Василий тогда решил, что, рано или поздно, он узнает правду и поквитается с тем, кто так ловко навел на его след ментов. Иначе, он может навредить ему снова...

8

Васко До Грамма сел в старенький «Жигули» и завел двигатель... Он приобрел эту машину пару дней назад. У нее были фальшивые номера и техпаспорт, но ее хозяина уже не было в живых. Его сын продал Василию тачку за две цены. Автомобиль нужен ему был для дела, после чего Горемыкин должен был избавиться от него.

Когда жигуль уже мчался по улицам города, он созвонился с продавцом порошка.

Проехав два квартала, Василий повернул направо, затем – налево. Это была окраина города. За многоэтажными зданиями стояли частные дома. Жигуль остановился метров через двести. Продавец предупреждал Василия о том, чтобы тот не светился лишний раз возле его хаты. Но в этот раз наркоделец пошел ему наперекор. Он знал, как нужен порошок его шефу. Героин и коку тот никогда не сбывал клиентам в чистом виде. Из них, как будто бы, делали всякую дребедень под названием «композит», и, сталкивая ее, включали в стоимость глобуса. Так это было или нет, в точности никто не решался утверждать. Но именно такой товар, якобы, был особенно в ходу у светской публики, посещавшей ночной кафе-клуб «Чужая Галактика» и ему подобные. Среди этой публики были известные артисты, звезды эстрады, серьезные бизнесмены и всегда вившиеся вокруг них выюном девчонки.

Василий толкнул калитку и направился к дому, который стоял посредине усадьбы окруженной дощатым плетнем. Подойдя к двери, потянул за ручку. Дверь распахнулась, но за ней никого не оказалось. В сенях царил полумрак.

– Бабло – при тебе?

Василий медленно обернулся. Как оказалось, Расул незаметно подошел к нему со спины.

– Ты чего крадешься, как рысь? Вначале порошок покажи!

Правую руку кавказец держал в кармане. По тому, как он оттопыривался, Василий мог предполагать, что Расул вооружен. И в случае чего он долго раздумывать не станет.

– Проходи в дом!

Крутой парень так и сделал. Кавказец последовал за ним.

Напоследок, настороженно оглядевшись по сторонам, он плотно закрыл за собой дверь. Затем пройдя в комнату, быстро наклонился и извлек из-под кровати, располагавшейся возле стены, черный кожаный кейс. Небрежно швырнул его на круглый деревянный стол. Щелкнули замки. Расул приподнял крышку кейса.

– Вот – твой товар!

Василий взял один из многочисленных прозрачных пакетиков с порошком, которыми дипломат был забит доверху. Взяв со стола нож, он надрезал пакетик и извлек из него щепоть содержимого. Слизал языком с кончика ножа дурь.

– Ну, как? Нравится?

Василий стер ладонью со лба пот.

– Что ж ты мне голову морочил? Мол, товар вовремя не поставили?

– А его и так не поставили! – хмуро возразил Расул. —

Это – мой порошок! Приберег на случай! Поэтому стоять он будет дороже, чем обычно!

– Дороже?

Тень пробежала по лицу Василия. Но Расул этого как будто бы не заметил.

– Не хочешь не бери! Но учти, что следующую поставку обещают только через месяц! И то, если все пойдет, как надо! Законники крепко за нас взялись... Житья от них не стало! Так что, решай сам! Бабки гони, и товар – твой! Или проваливай!

– Сколько я тебе должен?

Глянув в окно, Василий внезапно заметил, как качнулась за ним яблоневая ветвь. Может, ветер? Но ветра на улице не было. Это было очень странно! Да и Расул вел себя как-то уж очень подозрительно. Когда Василий смотрел на него в упор, отводил взгляд. Со спины он тоже, отродясь, прежде к нему не подкатывал. Знал, чем может это для него закончиться! Крутой парень вдруг вспомнил, что, как только вошел в дом, то явственно почувствовал запах табачного дыма. Насколько ему было известно, Расул никогда не курил! Словно в раздумье, еще раз оглядевшись кругом, он лишь теперь заметил на подоконнике пепельницу. В ней лежал сигаретный окурок!

Расул назвал цену.

– Многовато, конечно! Но деваться некуда! Я беру товар...

Вновь щелкнули замки кейса.

– Деньги – в машине!

– Ну, так сходи за ними! А порошок пока здесь оставь!

– Хорошо! Пусть будет по-твоему!

Василий сделал вид, что уходит. Но, не ступив и шага по направлению к выходу, в мгновение ока он вдруг вновь оказался к нему лицом. Свободная рука крутого парня, как молния, мелькнула в воздухе. В ней был зажат нож. Расул захрипел, когда кровь фонтаном брызнула из его горла, и стал медленно оседать на пол. Василий схватил дипломат и, после короткого разбега, в прыжке ударом ноги вышиб оконную раму. Очутившись снаружи дома, он кинулся через яблоневый сад к плетню. Вслед ему раздался хлопок, потом – другой. Он услышал, как одна из пуль просвистела прямо над его головой. Оглянувшись, он увидел преследовавших его людей в униформе. Все произошло так быстро, что Василий даже не помнил, как через какое-то время очутился возле машины... Двигатель взревел, и автомобиль тотчас рванул с места.

Потом, заехав в какой-то квартал, где, как ему казалось, он прежде никогда не был, Василий долго петлял по кривым городским улочкам и тесным проулкам, замечая следы.

9

– Это – теперь твое рабочее место! – сказал Константин, едва они вместе с Германом вошли в его кабинет.

Он указал на свободный письменный стол, напротив другого стола, за которым работал Константин. Кабинет был довольно тесный, поэтому столы располагались вплотную друг к другу, и образовывали довольно обширную квадратную поверхность, по разные стороны которой должны были теперь творить то, на что каждый из них являлся горазд, матерый журналист и практикант.

– Вот! Для начала внимательно просмотри нашу прошлогоднюю подшивку!

И Константин, вынув из громоздкого шкафа толстую кипу газет, небрежно, так, что раздался звучный шлепок, опустил ее на крышку письменного стола, предназначавшегося для его подопечного в качестве стартовой площадки для решительного броска в необъятную Вселенную из бесчисленных слов и предложений.

– Всю? – зачем-то спросил Герман.

– Как хочешь! Главное, чтоб ты имел правильное представление о том, что мы делаем и как?

Дот беспокойно заерзал на стуле, а потом вдруг спросил:

– А почему у вашей газеты такое название?

Почесав жиденькую бороденку, Константин удивленно вскинул брови.

– Чем оно тебе не нравится?

– Да, не то, чтобы не нравится... Древнее название какое-то!

– Гм...

Константин снова почесал бороду, а потом лысое темечко.

– Реликт, сам понимаешь, старик, это – пережиток прошлого!

– Да, я понимаю!

Дот охотно кивнул.

– Так же, как и архаизм!..

– Но реликт – более широкое понятие, и оно не касается одной словесности! Видишь ли, даже в эпоху компьютеров и айфонов, биороботов и клонов люди остаются людьми и, пока что, не способны без чужой помощи избавиться от собственных пороков, основанных на инстинктах и потому берущих начало в далеком прошлом. Вот мы им и помогаем в этом!

– Это – интересно! А то у многих сложилось мнение, что желтая пресса – это сплошной отстой! Другими словами, это что-то вроде сливного бачка для унитаза!

Константин презрительно хмыкнул.

– Пусть будет так! Но, как ты знаешь, без сливного бачка жильцы даже самых благоустроенных и элитных домов давно бы все уже в собственном дерьме плавали! Так, что хорошенько пораскинь мозгами, что на первом месте стоит, гигиена и санитария или же чванство и высокомерие тех, кто достиг в обществе дутой известности и заоблачных высот, откуда он может плевать и сморкаться на головы тех, кто находится внизу?

– Я какую-то книгу читал... Названия не помню! Так, там убийцы и наркодельцы тоже себя санитарями леса называют... Не слишком ли много медбратьев у нас развелось?

– Это, видимо, из-за нехватки медсестер! – попытался отшутиться Константин. – Зарплата у наших врачей-души и тела – маленькая... А гуманизм – нынче не в моде! Все хотят за реальное бабло работать, а не за интерес!

– Значит, ставка – больше, чем жизнь?

– Выходит, так!

Герман растерянно улыбнулся.

– В ужасное время мы живем!.. Признаюсь, я как-то раньше об этом даже не задумывался!

– А ты задумайся! Хорошо задумайся! Теперь, наконец, ты понял, в чем состоит твое призвание?

– Угу! В том, чтобы волки были сыты и овцы целы!

– Соображаешь! В этой жизни, как на войне! Кто – сильнее, тот и победил! Ведь, что такое – мир? Это – уставшая война! Вернее, она никогда и не прекращалась! В умах людей она продолжается по сей день... Наша задача – снять напряжение, которое существует в нашем обществе, в частности, между богатыми слоями людей и бедными. А ты говоришь, отстой!

И Константин довольно потер руки.

– А теперь, давай – за дело! Мне еще кое-что тут в верстку отдать надо! Материальчик один веселый!

– Угу!

И, согласно кивнув, Герман принялся за чтение.

Честно говоря, поначалу он водил глазами по бесконечным строкам без особенного энтузиазма. Но, ознакомившись с парочкой вполне приличных статей, вдруг заинтересовался. Там речь шла о шоуменах. К статьям прилагались фотографии, где эти шоумены были явно навеселе. Фотки сдабривались несколькими фактами, не прибавлявшими читателю оптимизма по поводу тех персонажей, о которых в газете велась речь. Впрочем, иной раз факты были совершенно безобидными. Например, известный шоумен в самом разгаре торжества на какой-то корпоративной вечеринке споткнулся на ровном месте и растянулся прямо посередине банкетного зала!.. Или... Светская львица в пылу танца не заметила, как на ее платье с глубоким декольте расстегнулась молния, и оголился зад! Лишь когда музыка смолкла, она с удивлением обнаружила, что на нее со смехом таращится добрая половина танцпола. Но это ее не особенно смутило. Она, как ни в чем ни бывало, застегнула молнию и продолжила веселиться дальше. Ну, и все – в таком же духе...

Другое дело, конфликтные ситуации! Кто и кого из знаменитостей первый оскорбил и даже ударил? После этого обычно пострадавший подавал на обидчика в суд, и затем следовала целая серия подробных репортажей из зала суда. Эти материалы читались с особенным интересом. Они походили на короткие детективные рассказы, в которых главными героями, конечно же, являлись обе стороны: и истец и ответчик. Их, обличенные в вежливую форму громкие публичные заявления, как правило, заканчивались скрытыми угрозами. Вот, мол, ты у меня еще попляшешь! Я тебе устрою кузькину мать и сидорова отца в придачу. А также свекра, тещу и десятую по счету сожительницу в гражданском браке! В конце читателю сообщалось решение суда. То есть, сумма компенсации за моральный ущерб тому, кто безвинно пострадал во всей этой истории. Но порой дело доходило и до более трагической развязки, печальным итогом, каковой являлась уголовная статья, грозившая обвиняемому немалым тюремным сроком...

Особенное место занимали всевозможные светские сплетни, грязные слухи и домыслы, которые приводили в бешенство тех, кого они касались, и заставляли злорадствовать их недругов и завистников. Причем подавалась эта по большей части лживая информация, как предположение о том, что, возможно, имело место быть. Но было или нет, это уже каждый пусть судит и рядит сам в меру своей испорченности!

Надо сказать, что в «Реликте» немало было и вполне нормальных позитивных статей и очерков, которые разбавляли желтизну позитивной белковой массой. Информация о жизни города, интервью у чиновников и бизнесменов, хроника общественных правонарушений,

много рекламы – все это было достойной прибавкой к статусу «Реликта», как довольно солидной и востребованной горожанами прессы.

Но больше всего Германа удивило, что, пролистывая одну из газет, он вдруг наткнулся на портрет... Когда практикант «Реликта» его увидел, то едва со стула прямо под стол не свалился... Со страницы желтой газеты на него невозмутимо взирала... Окси!.. Под снимком размещалась небольшая заметка с заголовком «Будущая светская львица!» Глядя на портрет, Герман почувствовал, как внутри у него что-то задрожало, точно натянутая тетива. Это являлось тревожным сигналом! С того момента, как Окси выбежала со школьного двора и юркнула в черный «Порш», они больше не виделись. С одной стороны, так было даже лучше. Герман стал понемногу забывать о существовании Окси. Но, видимо, ему так лишь казалось! К сожалению, он понял это лишь теперь, когда нечаянно...

...Он пялился в газету, но мысли его витали далеко, и потому из прочитанного он так и не смог ничего понять. Тогда усилием воли он, наконец, заставил себя сосредоточиться. Вскоре ему стало ясно... В заметке говорилось об успехах Худояровой в учебе. В том университете, где она училась, преподы отзывались о ней, как об очень способной студентке. Отличнице! Они пророчили ей красный диплом, а ее склонность к тусовкам с известными особами списывали на молодость и желание приобрести пиар среди светской публики... И не только... По-видимому, помимо стремления со временем приобрести статус знаменитости, она собиралась стать солидной бизнес-леди, и, как могла, зарабатывала популярность и набиралась делового опыта уже теперь.

10

В эту ночь Герман долго не мог уснуть. Напоминание об Окси пускай посредством желтой прессы ужасно взбудоражило его. Он сомкнул веки лишь под утро. А, проснувшись, понял, что получит от главного редактора газеты серьезный нагоняй.

Когда, запыхавшись, он вошел в кабинет помощника редактора, то увидел, что Константин сидел за своим компьютером и с увлечением тарабанил по клавишам, строча очередную статью.

– Простите, я, кажется, опоздал!

Но Константин, ничего не ответив, кивком указал практиканту на рабочее место.

Примерно через полчаса этот изюбр цветной прессы с довольным видом что-то мурлыкнул себе под нос и, потянувшись, словно после сладкого сна, встал из-за стола.

– Кофе или чаю? – спросил он, глядя на Германа. – Только наливай себе сам... Практикуйся! Ты, ведь, у нас, пока что, практикант!

И Константин коротко рассмеялся, по очереди доставая из ящика стола пустые фарфоровые чашки, а также все, что прилагалось к ним.

– В нашем деле без чая, кофе и сигарет никак нельзя!

Лишь теперь Дот обратил внимание на то, что плотная завеса дыма висела под потолком в кабинете, точно туманное облако над Канадскими озерами² в пасмурную погоду. Хотя томагавк вешай! А в пепельнице Константина тлела непотушенная сигарета.

– Я не курю! – сказал Герман.

– И не пьешь!.. Я имею в виду... Спиртного!.. Поверь мне, это – пока. Вот жизнь пойдет наперекосяк... Ну, скажем, не совсем так, как ты планировал... Тогда и закуришь, и запьешь... И изменять жене будешь! Конечно, когда она у тебя появится... С превеликим удовольствием!

– А вот – это, вряд ли!

– Ха-ха! Ты сам не знаешь, что будет завтра... А вот я... Я знаю!

– И – что? Что случится завтра? – как бы, между прочим, спросил Герман.

Своей излишней самоуверенностью Константин начинал его явно раздражать.

– Завтра ты принесешь и положишь на мой стол свой первый материал для нашего следующего номера, который готовится в печать!

– Какой материал?

– А, какой хочешь! Главное, чтобы он был написан интересно и стильно!

На лице Германа мелькнула растерянность.

– Ну, хорошо!.. Так и быть!..

В тоне Константина прозвучало сочувствие.

– Пойдешь на задание с нашим фотокором! Феликс его зовут. Он будет снимать одного очень неординарного субъекта, а ты напишешь про него небольшую заметку... Короче, по дороге он тебе все расскажет.

Взяв сотик, Константин поднес его к оттопыренному уху.

– Фил! Слышь, Фил! Практиканта нашего с собой потянешь! Пусть в курс нашего дела потихоньку входит... Поработаешь с ним в паре! Хорошо?

И помощник редактора показал глазами на дверь.

– Феликс тебя ждет...

Герман с готовностью поднялся из-за стола, чем вызвал улыбку на лице зама.

– ...через полчаса! У тебя есть еще время промочить горло...

² Великие озера – это Канадские озера на южной границе Канадыи США.

11

Василий бросил жигуль в каком-то маленьком дворике, взятым в плотное кольцо обшарпанных многоэтажных домов, и отправился на близлежащую станцию метро. С того момента, как полицейские ищейки кинулись за ним вдогонку, но остались ни с чем, прошло примерно около полутора часов. За это время он успел очутиться на другом конце города и теперь не опасался погони. К тому же, полицейским, вряд ли, что было о нем известно. Расул, пока был жив, также не мог им ничего о нем рассказать, так как даже не знал его настоящего имени. Погонялово Васко До Грамма – это, пожалуй, единственное, что не являлось для него тайной. Карточка с мобилы не была зарегистрирована ни на чье имя. И, вообще, Расул, волк-одиночка, дружбы ни с кем не водил и работал на себя. И точно также ограничивался минимумом сведений о тех, кому поставлял товар и кто платил ему за это хорошие деньги. Встречи с клиентами всякий раз он назначал в новом месте. Созванивались, забивали стрелку. За порошок он тотчас получал свое и был таков. Но не в этот раз!.. Значит, все-таки менты его вычислили! Но как? Об этом Василию приходилось только догадываться.

Крутой парень вспомнил, как, уходя от погони, он оглянулся. Он увидел, как с одного из преследователей слетела полицейская фуражка. Но вместо того, чтобы продолжать погоню, он остановился. И, склонившись, потянулся рукой за головным убором. Из чего Горемыкин сделал вывод, что это был ложный шухер! Они не хотели никого ловить. Их цель состояла совсем в совсем ином: поднять побольше шума! Они наверняка знали, что за наркодельцами стоят серьезные дяденьки при должностях... И вообще, Василий полагал, что наркотики – это неискоренимо, и бодаться с теми, кто за это серьезный куш срывал, все равно, что с собственной тенью воевать!

Вновь встретившись с Адольфом, Василий соврал, сказав, что за товар он сполна расплатился с покупателем. Но тому не повезло. На хвост ему сели мусора, и в перестрелке он погиб. Василию же удалось избежать засады.

– Ты, случаем, не брешь?

И Рудольф Савельевич подозрительно посмотрел на Горемыкина.

– А то, может, бабло мое притырил?.. Благо, порошок – при тебе!

– Да, что вы такое говорите, Рудольф Савельевич! Разве ж, я, когда...

– А то, смотри! Узнаю, тебе хуже будет!

И в хищных глазах наркодельца сверкнул опасный огонь. У Василия аж мурашки по спине пробежали. В этот раз у него при себе не было волыны. Вот – дурак! Угораздило в машине ее оставить! Воспользовавшись моментом, Адольф, наконец-то, запросто мог поквитаться с ним, и – не факт, что крутой парень сумел бы дать ему достойный отпор.

– Ну, ладно! Порошок у нас на первое время есть! Теперь слушай меня внимательно. Тут еще одно дельце, как сопли на кулак намоталось! Надо бы его провернуть без лишней суеты!..

– Какое дельце?

Василий с облегчением вздохнул, когда шеф перестал пожирать его своими злобными, как у пираньи, глазками и, пытаясь насчет бабла, выворачивая душу наизнанку. Он переключился на другой важный вопрос, и это было весьма кстати. Кейс с долларами, которые он вез Расулу в уплату за товар, Василий припрятал в надежном месте. В нем было больше полу-миллиона долларов. Еще один такой улов, и крутой парень пошлет к черту Адольфа вместе с его клятым порошком! Заграничный паспорт он сделал себе заранее. Василий решил, что, как только бабок будет достаточно для безбедной жизни, он откинется в Австралию или на Мальдивы!.. Куда именно, Горемыкин в точности, до поры до времени, не знал! Да, хоть к черту на рога, лишь бы, подальше убраться из города, где местные органы, хотя

и заочно, так как в руки он им до сих пор не попадался, давно поставили на нем клеймо очень опасного преступника. Пока что, он еще был на коне! Но лишь только верный конь оступится или во время бешеной скачки грохнется о землю, напрочь переломав себе хребет, это будет началом и его конца! Очень печального конца потому, что родителей или кого-либо из близких у Василия никогда не было. Он воспитывался в детдоме. Поэтому носить передачи в тюрьму или всплакнуть о нем, тоже будет некому! Подобная участь крутого парня, конечно же, не устраивала. И он старался действовать с осторожностью, тщательно продумывая каждый свой следующий шаг. Ситуация с Расулом оказалась непредвиденной. И, хотя, он выпутался из нее с честью и при этом умудрился извлечь немалую выгоду для себя, Василий неоднократно анализировал ее. Он пришел к выводу, что его главная ошибка заключалась в том, что в свое время он не позаботился, чтобы на всякий случай разведать еще один предельно безопасный источник дури. Другими словами, найти другого продавца порошка! Ему не надо было вторично связываться с Расулом, который нарушил срок поставки товара. Крутой парень мог бы догадаться, что продавец, который не сдержал свое слово один раз, может легко подставить его и во второй! А каким образом, неважно!..

12

– Ну, вот! Кажется, приехали!

Заехав на карман, фотокор «Реликта» остановил свою «Короллу» и заглушил двигатель.

Феликс был сухощавым и очень юрким молодым человеком лет около тридцати. У него были голубые хитрющие глаза, в которых словно чертики плясали, и сочные губы, похожие на крылья Купидона.

– Феликс! А почему Константин зовет тебя Филом?

Фотокор удивленно посмотрел на Германа.

– Да, мне плевать, как он меня зовет! – с раздражением ответил тот. – Лишь бы мои снимки на страницах газеты печатались, и Главный бабки в срок платил!

– Понятно!

– А почему ты спрашиваешь?

– Да, так! К слову пришлось...

– Х... хе! – усмехнулся Феликс. – Нашел тоже тему для разговора! У журналисткой братии так принято... Все упрощать! Ведь все гениальное – просто! Усек, старичок?

– Усек! – неохотно согласился Герман.

– «Фил» – это короче! И потом... Здесь есть другой подтекст. «Фил», значит, филин, который все слышит и видит!

– Особенно по ночам!

– Ты прав! Я пока фотки проявляю у себя в темной камере, для меня день – все равно, что ночь!

Они вышли из машины на небольшую площадь перед огромным и роскошным зданием, залитым огнями в этот вечерний час. Это была филармония. Она располагалась на некоторой возвышенности, и к ней вели ступеньки, отделанные мрамором. Тот же, кого репортеры, а, также, любопытные горожане и поклонники, находясь примерно за полсотни метров от входа в прекрасный архитектурный ансамбль, поджидали после окончания концерта, на который в этот раз им не удалось попасть, был знаменитый маэстро. Исполнитель популярных песен в стиле рок-н-ролл.

– Я полагаю, минут через пять или десять Чудов выйдет! И, конечно же, не один! Поэтому я встану поближе ко входу!

– А мне-то что делать?

– Тебе, старичок? Я не знаю, что тебе делать!

Фил в усмешке скривил рот.

– Попробуй интервью у него, что ли, взять! Правда, это будет непросто! Очень непросто!

– В смысле?..

Но фотокор, ничего не ответив на это раз, скорым шагом направился через площадь прямо к филармонии.

Герман, стоя возле машины, еще какое-то время раздумывал: последовать ему примеру Феликса или же оставаться на месте и наблюдать все со стороны? О каком интервью могла идти речь! У новоиспеченного корреспондента «Реликта» не было с собой даже диктофона. Наверно, Феликс просто на свой манер подшучивал над ним.

Прошло еще несколько минут, и вскоре Герман своими глазами увидел, как дверь филармонии распахнулась, и из нее стали выходить зрители. Некоторые из них тотчас поспешили прочь. Но очень многие, держа в руках букеты цветов, останавливались недалеко

от входа или же на парадном крыльце, предварительно спустившись на несколько ступенек вниз. Они словно ждали чего-то. Точнее, кого-то! Этим «кем-то», конечно же, был Чудов!

Герману казалось странным, что этот любимец публики не воспользовался запасным входом в филармонию и решил выйти через парадную дверь, где толпа просто не даст ему ступить и шагу. Хотя, у большого артиста был юбилейный концерт! И, видимо, это обязывало его, не смотря ни на что, отдать дань уважения своим почитателям. То есть, вновь появиться на публике, но уже в неформальной обстановке, за пределами филармонии. Но, вполне возможно, причина крылась совсем в другом... Это Доту предстояло выяснить немного позднее... Фил, как назло, всю дорогу, пока они ехали в филармонию, упорно молчал. И, лишь, когда двигатель заглох, он в нескольких словах сообщил Герману о том, кто именно герой его будущего фоторепортажа. А, также, некоторые подробности, касавшиеся его творчества...

Когда на площадь, высыпало очень много народу, в дверях, наконец, показался он! Виновник столпотворения! Герман это понял по тому, как зарукоплескала толпа, и раздались возгласы: «Поздравляем!» «Ура – юбиляру!» И – тому подобное. Шум постепенно нарастал. Герман, невольно поддавшись общему ажиотажу, тоже приблизился к теснившимся вокруг звезды фанатам и поклонникам. Внимательно приглядевшись, он увидел очень рослого молодого мужчину лет около тридцати пяти. У него была темная густая шевелюра, которую на две равные части разделяла тонкая седая прядь волос. На лице его с довольно крупными, но правильными чертами играла счастливая и немного усталая улыбка. Герман лишь теперь заметил, что под руку звезду держала ослепительно красивая женщина. Блондинка! Вот кому везет! Такой молодой, а у него уже и – слава, и, наверняка, куча денег, которые он зарабатывал, давая свои концерты... Плюс ко всему – очаровательная дама! Но не успел Герман об этом подумать, как увидел ослепительную вспышку. Потом вторую, третью!.. Конечно же, Феликс хорошо знал свое дело. Дот даже слегка загордился своим напарником. Он был впервые на журналистском задании, и, безусловно, надеялся, что Феликс поможет ему сделать соответствующую запись под его снимками. В том смысле, что подскажет какую-нибудь идейку о том, под каким соусом Герману подать его умственные выкладки. Хотя, если Фил откажется... Наплевать! Дот попытается справиться со всем этим праздничным, что называется, на грани фола, трепом самостоятельно. Кроме того, он добавит в него ту самую перчинку, которая отличает материал желтой прессы от всех прочих!

Вспышки вновь последовали одна за другой, когда случилось невероятное!.. Герман вдруг заметил, как Чудов неожиданно схватился рукой за шею и стал медленно оседать, погружаясь в толпу. Наконец, он безвозвратно исчез в ней. Было слышно, как его спутница испуганно вытаращив глаза, дико закричала. Вероятно, до нее лишь теперь дошло, что произошло нечто ужасное! Потом она зажала собственный рот рукой и, пошатнувшись, стала медленно оседать на мраморные ступеньки... Видимо, с ней случился обморок. Стоявший рядом мужчина, подхватил ее на руки.

– А, ну! – злобно рявкнул кто-то в самом центре толпы. – Посторонись, сказал! Дай дорогу! Прочь, говорю! Не то...

В тот же миг толпа стала слегка расступаться, и из нее, расталкивая тех, кто стоял на его пути, вдруг показался тип спортивного сложения, одетый в черную кожаную куртку. Глянув на его лицо, выражавшее твердую решимость и, как ему показалось, некоторое злорадство, Герман едва дар речи не потерял! Не смотря на то, что на человеке в черной куртке были зеркальные очки, и, помимо этого, окладистая борода и усы изменили его черты до неузнаваемости, Дот ни на секунду не усомнился в том, кем этот жуткий тип являлся на самом деле! Конечно же, это был он... Он, и – не кто иной!.. Ухажер Окси! Уж, кого, кого, а такого редкостного подонка, как владелец «Порша», он узнал бы из тысячи ему подобных сразу!

– Скорую! Скорее скорую! – отчаянно и истерично завопил чей-то женский голос в толпе.

Но, когда примерно через полчаса послышался приближающийся вой сирены, было уже слишком поздно! Чудов был мертв.

13

Рудольф Савельевич ждал Василия, сидя у себя в офисе.

– Ну, и как? Как все провернул? Удачно? – спросил он, едва дверь отворилась, и крутой парень уверенно шагнул за порог.

– Вы – не против?

– Чего спрашиваешь? Садись!..

Василий, взявшись за спинку стула, которая была вплотную прижата к крышке стола, потянул ее на себя.

– Надо ж! С каких это пор ты стал такой вежливый? Прямо-таки любо-дорого на тебя посмотреть!

Говоря это, наркоделец не спускал с крутого парня пристального взгляда.

– Можно подумать, что ты – пай-мальчик, а не убийца, у которого руки по локоть в крови!

Вот – гнида! У Василия вдруг появилось желание незаметно сунуть руку в карман куртки и нажать на спусковой крючок волыны. Пуля угодила бы точно в пах Адольфу. Возможно, после этого он научился бы уважать тех, кто, не щадя собственной шкуры, претворял в жизнь, а, может, в смерть, его идиотские планы.

– Что поделаться, раз у нас – профессия такая!

– Да, профессия – что надо! Не пыльная! К тому же, интеллигентности учит! Если человек чем-то не понравился! Повел себя, например, неправильно! По-хамски! Не нужно ему в ответ грубить! Или – еще хуже, в морду бить! К чему – такие крайности, когда можно аккуратно убрать этого нахала, словно зловонную кучу со своего пути, и – всего-то делов? А для этого надо необходимый шанцевый инструмент постоянно под рукой иметь!.. Я правильно говорю?

Но Василий на этот раз промолчал, не желая вступать с Адольфом в необыкновенно льстившую его самолюбию риторику. Уж, очень он любил поиграть в важного босса, гангстера типа Аль-Капоне, со своими цепными псами. Безусловно, Василия он также считал одним из них.

– Ну, ладно! Рассказывай, как все прошло?

– Да, вроде гладко!

– Это хорошо, что гладко! Меня интересуют подробности!

– Подробности?

Вероятно, это был его минус, но в отличие от хозяина у Василия не всегда получалось складно говорить.

– Зачем – они?.. Это – дело техники...

– Затем! Долго ты еще со мной переговариваться будешь?

Рудольф Савельевич даже побагровел от злости.

– Хм... Со спины я к нему пристроился! Он ступенькой ниже стоял... И без охранников был... Со своей дамой и еще с кем-то! Коллегами, наверно! Выбрал я момент подходящий, когда все там чего-то кричали, руками размахивали, в ладоши хлопали, и полоснул его втихаря стилетом по сонной артерии... Никто даже не заметил! Кровь брызнула фонтаном!.. А я тем временем ходу из толпы дал...

– Так, думаешь, чудо с этим Чудовым не произойдет? Не воскреснет из ...?

Василий плотнее сжал зубы.

– Пусть попробует! Я посмотрю, как у него это получится!

Рудольф Савельевич удовлетворенно потер руки.

– Ладно! Поживем, увидим!

Выдвинув ящик стола, он извлек из него что-то, а затем небрежно бросил на стол. Пачка долларов, описав плавную траекторию в воздухе, со звучным шлепком опустилась на крышку стола прямо возле крутого парня.

– Заляг пока что на дно! Чтоб тебя сегодня же в городе не было!

– Как скажете, шеф!

Василий не скрывал, что, наконец-то, он мог хоть немного отдохнуть от всех этих сухих, полусухих и мокрых дел.

– Когда шум уляжется, я тебя кликну в рупор!.. Подтянешься...

14

На следующий день в редакции «Реликта» с самого утра всех точно лихорадило. Едва переступив порог кабинета, главный тотчас вызвал к себе фотоко́ра.

– Снимки готовы?

– А – вы, как думаете? Я зря свой хлеб не ем!

И Фил молча положил на стол редактору несколько снимков. Тот с нетерпением взяв их, стал внимательно рассматривать.

– Этот годится! Этот... Тоже годится... Этот – нет!

Хорошие на его взгляд фотографии он бережно откладывал в одну сторону, а те, которые ему не особенно приглянулись небрежно швырял в другую.

– А сие произведение искусства, что здесь делает?!

И Теодор Елисеевич ткнул пальцем в очередной снимок.

– Кто – он? И зачем ты мне сюда это приволок?

Феликс уставился на снимок, который еще недавно так старательно проявлял вместе с теми, что Главный одобрил.

– Зачем?

– Да! Зачем? – настойчиво повторил редактор.

– Я думаю...

– Доброе утро!

И не спрашивая позволения, Герман приблизился к столу, на котором лежали снимки.

– Я, кажется, знаю этого человека!

И он кивнул на фото, которое привлекло внимание Теодора Елисеевича тем, что, по его мнению, было совершенно лишним и, точно чуждый фрагмент мозаики, отличный по цвету и композиционной направленности от тех, что складывались в выразительное пано, никак не вписывалось в общую картину того, что произошло на торжестве в честь Чудова возле филармонии. На нем был запечатлен странный субъект в темных очках и кожаной куртке.

– Ну, и знай себе на здоровье!/? Причем здесь – статья о Чудове?

В голосе главного послышалось раздражение.

– Это – он убийца! – уверенно сказал Герман.

Главный с нескрываемым удивлением посмотрел на практиканта.

– Что, если ты ошибаешься, старичок?

Но Дот отрицательно мотнул головой.

– Я предполагаю!

– Ах, ты предполагаешь?

– Ну, да!

Не выдержав, редактор, словно ни с того, сего смешинка ему в рот попала и, скорее всего, не одна, а сразу несколько, мелко затрясся в приступе истерического смеха.

– Ха-ха! Гениально! Ты – что, экстрасенс?

Герман, не ожидавший такой реакции от Главного, в некоторой растерянности мельком глянул на Феликса. Но тот, в отличие от Верниса, казался серьезен, как никогда.

– Все произошло так быстро, что...

Шеф «Реликта», достав из кармана платок, промокнул им лоб, вероятно, вспотевший после короткой нервной встряски.

– Что? «Что»!

– Если б я нажал на пуск секундой раньше!.. Мне кажется, я видел в объектив, как рука этого человека... И Феликс снова указал на снимок. ...Молниеносно мелькнула в воздухе!

– Кажется!.. Х хе... Ему кажется!

Главный, как будто бы, и впрямь, едва сдерживался, чтоб вновь не расхохотаться во все горло. А, может, только делал вид, что его разбирает смех, чтобы, таким образом, лишний раз выставить своих подчиненных в дурацком свете и заодно позлить их.

– Фил! И давно у тебя это началось?

– Что именно? – не сразу понял тот.

– Галлюцинации! Может, тебе в психушке немного полечиться?

И Теодор Елисеевич с выражением крайней досады, почти злости, и одновременно ехидства на лице нацелил свой взор, похожий два темных зрачка готовой вот-вот пыхнуть огнем охотничьей двустволки, на Феликса.

– Не сомневайся! Больничный я тебе оплачу! А пока дадим объявление в газету и вместо тебя временно найдем внештатного фотокора. Ты, ведь, знаешь, сейчас желающих подработать в нашей газете, а, говоря попросту, хороший куш сорвать, немало!..

– Тогда, кто, по-вашему, убил Чудова?

– Ты это – серьезно, Фил?

Главный даже слегка привстал со стула.

– Я – что, по-твоему, похож на гения сыска, который не выходя из четырех стен, способен определить, кто именно совершил это гнусное злодеяние? Что за бред ты несешь! Пусть убийством занимается полиция! А мы будем делать свое дело! Писать статьи и выпускать газету, чтобы радовать нашего читателя свежим взглядом на этот старый и дряхлый, насквозь провонявший дерьмом мир!

Феликс неопределенно пожал плечами.

– Да, я, разве, против?

– Еще бы ты был против! – не скрывая раздражения, воскликнул редактор.

Выйдя из-за стола, он подошел к окну и какое-то время сосредоточенно смотрел в него погруженный в собственные мысли.

– ...Говоришь, опоздал на секунду... Нажать на этот самый!.. Как его?.. И – что? Чудова ты этим все равно бы не спас! А вот, если бы наш материал о нем вышел на день, два, а то и неделю раньше... Говорил я тебе, займись этим гением шоу-бизнеса в первую очередь! Тем более, что нас просили сделать о нем корреспонденцию серьезные люди! Жаловались, что зажрался он! Никого ни в грош не ставит! Свою линию гнет, и – все тут! Надо бы перышки ему почистить... Он прочел бы статью, призадумался. Выводы сделал о собственном поведении и, наверняка, теперь был бы жив!.. Сам, ведь, знаешь, там, где большие деньги – на кону, там и – убийства! Так, нет! Давай, Елисеевич я сначала балериной займусь... Вот и занялся!

– Вы прямо-таки переживаете за этого артиста, как за собственного сына!

Феликс явно был недоволен, что Главный чихвостил его в хвост и гриву при практиканте. И, причем, ни за что! Если бы Вернис, как он говорит, действительно тогда настоял на своем, все вышло бы именно так, как он того и хотел. Балерина и фоторепортаж о ней были тут совершенно ни причем! Видимо, те, кто заказал «Реликту» публикацию о Чудове, в свой черед, не согласовали с Вернисом сроки ее появления на страницах желтой прессы...

– За сына? Вот именно, как за сына! Такие люди, как Чудов кормят и поят нас. Газету с материалами о них моментально раскупают! И надо быть благодарными тем, кто заслуживает нашего внимания. Во что превратилась бы жизнь без таких людей! В серую будничную рутину!.. А теперь одним таким человеком меньше стало! Что ж, мы теперь должны дожидаться, пока их всех или лучших из них бандюки повырежут, как заблудших овец?.. Вернее, бляшек, оставленных хозяином без присмотра?..

– Я этого не говорил!

– И правильно, что не говорил! Но думал! Я понимаю, что успешных людей многие недолюбливают. И есть за что! Но, сам понимаешь, существует такое понятие, как профессиональный долг. И он диктует нам свои правила. Я имею в виду, что если мы вовремя

не выполним свой заказ и не покажем известного человека во всей его красе, не представим на суд публики, то нас могут опередить с этим самым заказом другие. Те, чьи поступки опережают их мысли. И чей палец нажимает на спусковой крючок прежде, чем начинают работать их мозги! Они не понимают, что наше общество делится на богатых, и тех, кто живет за счет богатых! А, также, тех, кто работает на них! И, если одно из звеньев этой цепочки пропадает, то рушится вся цепь!..

Выговорившись, Главный снова сел за стол.

– Ну, и что теперь прикажешь с твоими снимками делать? Под каким соусом их подавать?

– Теодор Елисеевич!

И Герман неуверенно протянул главному несколько листов бумаги, исписанных довольно мелким, но вполне разборчивым почерком.

– Что это – за хрень?

– Это... Статья! Статья о Чудове!

– О Чудове?!

И Главный, скривив рот, издал мычащий звук.

– Вон оно – как! Молодец! Оперативно сработал... Отдашь эту белибердень Косте. Пусть сперва он посмотрит. А впредь знай, что все ваши рукописи, если их не зарубит мой помощник, я смотрю в самую последнюю очередь! В моей редакции – десяток корреспондентов. Мне двадцати четырех часов в сутки не хватит, что прочесть и поправить весь редакционный материал, который кладется мне на стол ежедневно! Вписал?

– Но...

– Что – «но»?

– Константин Валерьевич уже прочел мою корреспонденцию...

– Прочел?..

Удивление против воли Верниса мелькнуло на его лице.

– И – что? Остался доволен?

– Он сказал, что не ожидал от меня такой зрелой и серьезной статьи!

– Вот как, значит?

Глубокая складка легла меж бровей главного.

– Тогда, почему материал не отпечатан и подпись моего помощника на нем не стоит?..

Позови-ка ко мне сюда его самого!

Герман тотчас пулей вылетел из кабинета и вскоре вновь появился в нем в сопровождении Константина.

– Так, говоришь, хорош материал? – спросил редактор, с укором и даже несколько суровее, чем это требовалось, глядя на своего помощника, который вовремя не поставил его в известность относительно корреспонденции о Чудове.

– Теодор Елисеевич... – начал, было, Костя.

– Я спрашиваю, «да» или «нет»? Отвечай!

– Да! Толково практикант изложил тему. И, к тому же, с учетом той ситуации, что произошла в тот вечер у филармонии... Вот только...

– Только?

– Много пафоса и... Какой-то уж очень идеальный получился у автора этот Чудов!

– Ну, так!.. Убери пару килограммов пафоса, а то, что, как ты говоришь, герой статьи чересчур идеальным тебе показался, так это – пускай... Человека-то все равно уже нет в живых. Почему бы не заострить внимание на его хороших качествах и не позабыть о плохих?

– Боюсь, что наши заказчики нас не поймут! И, опять же...

Приложив ладонь ко рту, Константин кашлянул в нее дважды.

– Да! Толково практикант изложил тему. И, к тому же, с учетом той ситуации, что произошла в тот вечер у филармонии... Вот только...

– Только?

– Много пафоса и... Какой-то уж очень идеальный получился у автора этот Чудов!

– Фанаты Чудова начнут шептаться по углам. А кто и в открытую станет возмущаться и зубоскалить! По городу нелепые домыслы и грязные сплетни поползут... Мол, угробили гения сцены ни за понюшку табака какие-то недоноски... Куда полиция смотрела? А теперь неумеренной похвальбой пытаются загладить чужую вину! Запишут нашу газету в подхалимы! Дескать, вместо того, чтобы интервью взять у того, кто ведет дело об убийстве Чудова, дифирамбы петь покойнику взялись! Вы ведь знаете наших не в меру сердобольных читателей...

– Ага! Как сплетни читать и всякие щекотливые подробности про знаменитостей, так совесть их не гложет, а, как правду про заслуженного человека узнать, пускай слегка и приукрашенную, так им этого даром не надо!.. Ты – в своем уме, Костя?

Помощник редактора впервые не знал, что ему ответить.

– Предчувствие у меня – недоброе, Теодор Елисеевич! Может быть, просто обойтись информацией об этой ужасной трагедии и портретом нашей бесславно почившей звезды?

– Издеваешься, Костя?

– Нисколько!

– Неужто, для того мы знаменитостей годами выращиваем, как цветы в оранжерее, чтобы потом забыть о них навсегда?

– Кхе, кхе! Герман, ты пока что свободен! Подожди меня, пожалуйста, в моем кабинете! – вдруг сказал Константин. – Вы – не против, Теодор Елисеевич?

Но хозяин «Реликта» его, как будто бы, даже не услышал... Молча повернувшись к Главному и его помощнику спиной, Герман незаметно удалился из кабинета... Видимо, Главный сказал при нем лишнее. То, чего он не должен был слышать. Такой вывод сделал Герман...

15

– Я хочу, чтобы ты изложил серию статей про убиенного артиста! – в горячности воскликнул редактор, когда дверь за Дотом закрылась. – Пусть практикант также поучаствует в этом! Ему будет полезно!

– Теодор, это – ошибка!

И помощник редактора поморщился, словно от зубной боли.

– Ты знаешь, что сказал мне этот самый практикант? Не поверишь!

– Ты же знаешь, я ни кому и ни чему не верю! У меня – должность такая! А вот, когда результат – налицо, тогда – другое дело!

– Да, я – не об этом!

Константин упорно гнул свою линию.

– Практикант сказал мне, что знает этого убийцу! Точнее, того, кто на фотографии и кого мы подозреваем в убийстве! И знает с очень нехорошей стороны!

– Ну, ну! Только хуже, чем убийство, не бывает! Сам понимаешь!

Сидя в кресле, Главный небрежно закинул ногу за ногу.

– И все же, что это за сторона – такая? Ты можешь рассказать поподробнее?!

Помощник редактора, глянул через плечо на дверь. Как ему показалась, она была плотно прикрыта. Потом, смахнув со лба каплю пота, налил из графина в стакан воды и залпом выпил.

– Так я тебя слушаю, Костя! Неужели все – так серьезно?

– Серьезней не бывает! Конечно, если тебе собственная жизнь дорога! Ну, и моя – тоже... Наконец, жизнь этого практиканта!

– Не сгущай краски, старик! Ты проживешь до ста лет! Я тебе это гарантирую!

– Знаешь, Тео! Ты – не швейцарский банк, чтобы дать мне надежные гарантии...

Помощник редактора попытался произнести это шутливым тоном, но у него все получилось совсем наоборот: как-то уж очень серьезно, не особенно уверенно и насквозь фальшиво.

– А ты – не экстрасенс, к сожалению!.. А, может, к счастью!.. Чтобы я твое предчувствие... Точнее, нытье!.. За чистую монету принял!..

– И не самоубийца – тоже!..

И Константин снова метнул настороженный взгляд через плечо.

– Тот брутал в черных очках как-то связан с наркотиками! Я думаю, из-за них Чудова и убили! Ты, ведь, помнишь, одно время про этого артиста слухи ходили, что он – якобы наркоман! Но Чудов, как видно, заплатил, кому надо, и эти слухи быстро развеялись! Так, что никто не успел даже глазом моргнуть!

– Да, плевать мне на все слухи и сплетни, которыми полон этот дурацкий мир, уж если на то пошло! Скажи, причем здесь – мы?

– Тео, неужели ты не понимаешь?

– Ну, что? Что я должен понять! – вскипел тот. – Мне надо рейтинг газеты поднимать, и – точка!

– Ладно! Как знаешь! Только учти, что, если эти убийцы не побоялись перерезать горло такому известному человеку, как Чудов, да еще при всем честном народе, то, что они сделают с нами, если мы по собственной глупости перейдем им дорогу?

– Опять ты – про свое! Костя, мне кажется, что ты скоро собственной тени бояться будешь! И, если послушать тебя, так мне лучше сегодня же объявить себя банкротом и закрыть собственную газету! Тогда, по твоим словам, у меня будет шанс остаться в живых! Только вот жить я на какие шиши буду, про это ты не подумал?! Может, все ж таки, для меня

и тебя, да и других наших сотрудников – тоже, есть смысл побороться за свое место под солнцем! Вероятно, ты будешь удивлен, но я в этом кресле до сих пор чувствую себя очень-таки недурно! И просто так я его никому не отдам...

– Так и не отдавай! Просто забудь про этого Чудова! Не стоит трагедию превращать в фарс! Информации о прошлых заслугах этого человека будет вполне достаточно! Тео, не лезь на рожон, я тебя прошу!

– Иди к черту, Костя! – не выдержал его собеседник. – Я – все еще Главный редактор «Реликта», самой востребованной газеты в нашем городе, а не какой-нибудь там хрен моржовый! И полагаю, что останусь таковым еще долгое время!

– Посмотрим! – пробурчал себе Костя под нос, удаляясь из кабинета своего хваткого до дела хозяина и давнишнего друга.

16

Василий решил тотчас не следовать совету своего чересчур осторожного шефа. Он никуда не уехал из города, как требовал тот, а на несколько дней залег на дно, но не где-нибудь, а в своей собственной квартире, которая была оформлена на имя человека, которого уже не было в живых. Василий подделал паспорт этого гражданина, вклеив в него свою собственную фотографию. Родственников у бывшего хозяина жилплощади не было. Квартплату, а, также, плату за свет и воду он вносил исправно. Поэтому опасаться, что с минуту на минуту к нему на хату нагрянут назойливые кредиторы, настойчиво требуя своего, и, уж, тем более, люди из полиции, не было веских причин. Соседи его не беспокоили, зная, что квартира на одной с ними лестничной площадке в основном пустует. Шум не поднимали, так как бывший хозяин их предупредил, что переезжает на другое место жительства, а свое жилье сдает в аренду с последующим выкупом. Мол, будущий хозяин, пока что, живет в своем доме в пригороде и до тех пор, пока окончательно не переедет на новое место жительства, будет появляться в нем лишь изредка...

Василий, заранее прикупив продуктов, в основном спал и ел. Смотрел телевизор и ежедневно выходил из дому, чтобы в ближайшем киоске «Роспечати» приобрести свежие газеты. Как правило, он читал криминальную хронику и все, что касалось того громкого дела об убийстве артиста Чудова, к которому он имел непосредственное отношение. В конце концов, он должен быть предельно точно осведомлен, насколько успешно велось расследование... Это – в его интересах. И, если, не дай бог, полицейские ищейки нападут на его след, Василий, конечно же, будет знать об этом первым. В этом случае он не станет слепым орудием судьбы и, как надеялся крутой парень, сумеет ловко избежать расставленных на него ловушек. Понятное дело, что Адольф, тем более, не окажется в стороне. Скорее, наоборот, он будет рвать и метать, чтобы замять это дело об убийстве известного артиста. Иначе, если возьмутся за Василия, наркоторговец, прикрывавший свои темные делишки легальным ресторанным бизнесом, едва ли, выйдет сухим из воды! Ему, как и Василию, и, помимо него, некоторым другим членам их банды, светит пожизненное. В патовой ситуации, Адольф, конечно же, попытается лишних свидетелей убрать!.. Что ж! К любому развитию событий крутой парень был готов заранее!..

...Просмотрев несколько газет подряд, и не найдя в них ничего интересного, Василий взял в руки следующую. Это была желтая газетенка, от которой даже при поверхностном взгляде слегка припахивало экскрементами. Газета называлась «Реликт». Василий, прочтя несколько светских сплетен, обличенных в форму статей, зарисовок и затейливых информации, брезгливо поморщился. Он уже хотел отложить в сторону этот достойный образец гениальной публицистики, когда взгляд его невольно упал на корреспонденцию с заголовком «Погасшая звезда!» Немного ниже он обнаружил также портрет Чудова. Тот стоял на сцене с микрофоном и со слезами на глазах смотрел в зал, который ему бешено рукоплескал.

Крутой парень пробежал глазами статью. Ничего конкретного! Придя к такому выводу, он небрежно сплюнул в пепельницу, где еще недавно дымился окурок его сигареты.

– Жалкие писаки! – не желая того, насмешливо произнес он вслух.

В публикации перечислялись заслуги великого тенора Чудова. Приводились кое-какие факты из его биографии. Все заканчивалось трагической сценой! Как, возвышаясь над толпой, Чудов вдруг пошатнулся, заливая кровью свою великолепную спутницу. Она завопила от ужаса во всю мочь своих легких, а он, опираясь на ее руку, медленно осел на мраморные ступеньки на спуске из государственной филармонии.

Все бы – ничего! Но в конце статьи была приписка: читайте в наших следующих номерах серию статей об этом скандальном и загадочном убийстве! В нашей завершающей пуб-

ликации «Преступник – в кадре!» вас ждет настоящая сенсация: портрет предполагаемого убийцы!

Это было уже чересчур!

Василий вернулся в начало статьи. Автором ее значился некий Геродот. Странно, но это имя показалось ему знакомым! Он старательно напрягал память, но никак не мог вспомнить, где, когда и из чьих уст уже однажды слышал о нем. Хотя вполне возможно, что ему лишь так казалось! А в действительности...

Он правильно сделал, что не послушался Адольфа и задержался в городе. Если этот публичный, похожий на болотную жижу со смрадными испарениями в жаркий летний день, «желток» грозитя растиражировать еще серию статей об убийстве и в последней из них напечатать портрет киллера, то этим не могла не заинтересоваться полиция! Хотя портрет – портретом, но то, что его, Василия, возможно, случайно сняли на фото пленку, еще ни о чем не говорит! И, к тому же, там, на месте убийства он был в солнцезащитных очках и старательно заgrimирован. Искусственная борода и усы помогли ему перевоплотиться в совершенно другого человека! Поэтому ему не стоило опасаться, что публикация портрета выдаст его с головой. Сам момент убийства не смогла бы запечатлеть ни одна даже самая классная фотокамера. Его движение руки, в которой он сжимал стилет, было мгновенным! В те доли секунды, что решили судьбу его жертвы, и при желании никто не разглядел бы ничего! Василий в свое время потратил годы, чтобы научиться тому, что в этом мире умели очень немногие. Он тренировался у настоящего мастера кунг-фу, который, также, отлично дрался на саблях и метал ножи. В совершенстве овладев этим искусством, Василий некоторое время упорно искал ему применение, пока не встретил Адольфа. Тот, не долго думая, предложил ему работу. Кроме того, что Рудольф Савельевич изготавливал композит из наркотиков и сбывал самым разнообразным клиентам, пойманным в сети его развлекательных заведений, он еще имел тесные связи с местными националистами, которых спонсировал деньгами. Но делал он это дозированно, то есть, не в ущерб собственному бизнесу. Точнее, он сбывал им композит по сниженной цене. И националисты, когда затевали очередную бучу или гонения на демократов, охотно употребляли эту подслащенную пищевыми добавками дурь. Никто бы и не подумал, глядя со стороны, что, развернув цветную обертку, крепкие и коротко стриженные парни совали себе в рот, отнюдь, не долгоиграющие карамельки или шоколадные батончики!..

...Василий вышел на улицу, и, как ни странно, ноги сами понесли его в сторону «Реликта». Как он выяснил, редакция этой паршивой и беспринципной газетенки располагалась всего в трех кварталах от его жилья. Возможно, с одной стороны, это было простым совпадением: те, кто объявили ему публичную войну, даже не подозревая об этом, что называется, находились у него под боком... И однажды, протянув руку, он мог без особенного труда, точно назойливого комара, легко прихлопнуть любого из них... С другой, матерый хищник мог расценить это, как вызов! Вызов его непростой судьбы ему, удачливому теневому бизнесмену, каковым он считал себя до сих пор. Если бы он довольствовался лишь теми крохами, которые фактически за ювелирную работу платил ему на редкость скупой Адольф, он никогда бы не сделал то, чего ему удалось добиться, поступая, как в случае Расулом... Мысли Горемыкина вновь и вновь возвращались к тому, как он потратит заработанный капитал, о котором, кроме него самого, не знала ни одна живая душа... И даже не догадывался Шалый!.. В его банковской ячейке хранились драгоценности, которые прежде принадлежали другим, и, точно переходящий кубок, в конце концов, достались ему, на сумму, которую лучше было не называть вслух. А на различных банковских счетах... В общем, Василий был доволен тем, сколько он успел заработать... В особенности, за последние несколько лет, поскольку, прежде, элементарное везение и благосклонность фортуны не предоставляли ему подобной возможности! Другим столько и за несколько жизней хапнуть не удастся!

Уже на подходе к «Реликту» крутой парень вдруг резко замедлил шаг. Конечно же, ему очень не терпелось минут на десять заглянуть на огонек к тем, кто хотели испортить ему жизнь, и одному за другим свернуть им шеи. Он сделал бы это очень тихо и аккуратно. И подобное не составило бы для него особенно труда. Но, немного поразмыслив, он решил поступить по-другому. Ведь выигрывает не тот, кто – сильнее, а кто – умнее! Что, если приписка в конце той статьи об убийстве была, пускай и не самым оригинальным, но способом заманить его в западню?

Василий остановился посередине тротуара, шагах в пятидесяти или немногим больше от «Реликта», и, достав сигарету, не спеша, закурил...

17

– Але? Телевидение?

Окси плотнее прижала трубку к уху.

– Так, вы приедете к нам в университет на фестиваль весны?

Видимо, абонент ответил ей положительно потому, что Окси широко улыбнулась.

– Очень хорошо! Я буду с нетерпением вас ждать!

Худоярова постепенно набирала очки в пользу будущей телеведущей, каковой, как уже говорилось, она стремилась стать, на различных и студенческих, в том числе, реалити-шоу. Ко времени окончания университета она рассчитывала на довольно объемный и представительный портфолио, чтобы потом даже с самыми крутыми телевизионщиками быть, если не на равных, то, по крайней мере, не особенно в чем-либо им уступать.

Окси, немного подумав, снова набрала чей-то номер.

– Але? Теодор Елисеевич?

– Кто спрашивает?

Тон главного редактора «Реликта» показался ей не особенно дружелюбным.

– Здравствуйте! Это – Оксана! Оксана Худоярова!..

И Окси выдержала паузу, надеясь, что тот, с кем она говорила, непременно ее вспомнит. Но хозяин частной газеты упорно молчал.

– Примерно полгода назад я уже приходила к вам в редакцию и вы написали обо мне замечательную статью!

– Подождите! Как вы сказали?

– Худоярова Оксана! Дочь заместителя главы?..

И редактор тактично выдержал паузу.

– Да, да! Кажется, я вас припоминаю! Вы – та самая, очаровательная, девушка! Учитесь в институте международных отношений, если я ничего не перепутал!

– Да, нет! В университете!

– Впрочем, не важно!.. Я вас внимательно слушаю! Ведь, вы, я надеюсь, не только для того, чтобы поздороваться со мной, позвонили?

– У меня есть для вас очень стоящая информация!

– Гм... Так почему же вы – до сих пор не у нас, в «Реликте»?! Приезжайте! Приезжайте немедленно! Слышите! Одна нога – там, другая...

– Я буду у вас через час!

Примерно, минут через сорок Окси уже входила в здание редакции.

– А вот и – я! – с улыбкой воскликнула она, входя в кабинет Главного. Поднявшись из кресла, Теодор Елисеевич сделал шаг навстречу девушке, и через секунду уже легонько сжимал в своих ладонях ее атласную ручку.

– Очень хорошо, что вы пришли! Присаживайтесь!

И он указал на стул, а сам вновь опустился в кресло.

– Понимаете, у нас в университете через пару дней будет проводиться весенний фестиваль! Не могли бы вы прислать к нам своего репортера... И чтобы он...

– Да, с превеликим... С превеликим удовольствием!.. Одну минуточку!

Главный тотчас потянулся к телефону на его столе.

– Герман! Зайди ко мне, пожалуйста!

И он опустил трубку в седло аппарата.

– Герман, говорите?

Окси удивленно вскинула брови.

– Это – наш новый сотрудник! Точнее, практикант!

Едва он успел это сказать, как Дот, словно на крыльях, уже примчался к нему. Но, как только переступил порог, лицо его буквально вытянулось от изумления.

– Ты?! – невольно вырвалось у Германа.

Он не понимал, как Окси, ни с того, сего могла очутиться в кабинете редактора «Реликта». Их взгляды встретились.

– А вы, разве, знакомы?

Ошарашенный Герман, словно не слышал вопроса.

– Мы вместе учились! – ответила Окси за них обоих. – В одном классе.

– Вот и – прекрасно!

Окси не смогла скрыть разочарования.

– То есть, вы хотите сказать...

Но Главный словно прочел ее мысли.

– А почему бы – нет? Вы смотрели последний номер нашей газеты?

Окси заметно смутилась.

– Честно говоря...

– Вот!.. Видите? А вы почитайте! В особенности, материал за подписью «Геродот». Очень даже интересная вещь! Получилась! За пару дней рейтинг «Реликта» вырос почти вдвое. А Герман у нас теперь – своего рода знаменитость! Так-то! Э... Простите!

– Оксана!

– Ну, да! Оксаночка!

И редактор с самодовольным видом откинулся на спинку кресла.

– Кстати! Не забудь Феликса предупредить! У вас, как будто бы, неплохо работать в тандеме получается... Правда, у него своих дел – по горло...

И главный, вдруг посерьезнев, предупредил:

– Будет брыкаться, пришлешь его ко мне! Я с ним сам поговорю...

– Теодор Елисеевич! А, может...

От ощущения неловкости или же некоторой доли смущения, которое ему внушало присутствие Окси, Герман даже слегка поперхнулся собственной слюной.

– Я с пятого класса занимаюсь фотографией!

Главный раздраженно фыркнул.

– Да, хоть с первого! Ты – любитель, а не профи! И, наверно, из «пушки» твоей только по воробьям стрелять! И то, не попадешь!

Но Герман упрямо мотнул головой.

– У меня «пушка» высочайшего калибра! Мама на прошлое день рождение подарила! У Филя похуже моей будет!

– Серьезно? – с наигранным недоверием спросил Главный. – Что за «гаубица»?

И Герман назвал марку.

– Мм... Да! – неохотно согласился редактор. – Но из этой пушки еще стрелять уметь надо! Ты со мной согласен?

– Не волнуйтесь, Теодор Елисеевич! С пятидесяти шагов мухе в глаз все мега-пиксели всажу, даже моргнуть не успеет! – самонадеянно заявил Герман.

– А, если, нет?

– Ну, тогда... Оценку за практику на бал снизите!

– По рукам! – сказал Главный. – Но – не на бал, а на два!..

18

Первым покинув кабинет редактора, Герман дождался Окси на выходе из редакции. Когда там, наверху, впервые за последние три года он увидел ее, то невольно отметил про себя, что девушка похорошела еще больше.

– Вот – визитка! В ней – все телефоны редакции!

И он протянул ей глянцевый прямоугольник.

– Как – ты?

Сжав визитку двумя пальцами, она отвела взгляд.

– А – ты?

Чувствовалось, что Окси было немного не по себе, словно что-то смущало ее. И, возможно, по этой причине девушке не очень-то хотелось говорить с ним наедине.

– У тебя есть парень?

– А у тебя – девушка?

Герман немного насупился.

– Ты отвечаешь вопросом на вопрос!

Она пристально посмотрела на него. Этого оказалось достаточно для того, чтобы его буквально с головы до пят точно жаром обдало. Стоя напротив нее, он жадно втягивал ноздрями чудесный запах волос Худояровой и еще какой-то ужасно приятный аромат, исходивший от всего ее девственного существа. От этого аромата и еще больше от ее близости, точно хмель ему в голову ударил. Герману вдруг неимоверно захотелось обнять Окси и крепко прижать к груди. Видимо, она почувствовала, что с ним творится что-то неладное, и это немного отпугнуло ее.

– Ну, мне пора! – сказала она. – Я тебе позвоню!

Герман задумчиво смотрел ей вслед, и, слушая, как звучно клацают, ударяясь об асфальт, ее каблучки, он не понимал, рада она была их встрече или нет.

Ровно через два дня Окси позвонила Доту.

– Приезжай в универ! Знаешь, где находится?

– Да, знать-то, знаю! – не особенно уверенно ответил он.

Она назвала ему адрес, нужный этаж и номер аудитории.

– Запомнил?... Хотя... Лучше я тебя внизу, в вестибюле ждать буду! Так надежнее! А то, не дай бог, потеряешься... А мне очень надо, чтобы о нашем весеннем фестивале материал в одной из лучших городских газет опубликовали!

– Все сделаем, как надо! – заверил Герман.

– Обещаешь?

– Тогда и ты мне пообещай!

Секунд пять она ничего не говорила.

– Что именно?

– Да, ничего особенного!

Он сказал это, как можно непринужденнее.

– Сходишь со мной куда-нибудь?

Она снова замолчала.

– Посмотрим! Вначале сделай все... Как надо!

Окси почти слово в слово повторила его фразу, словно нарочно передразнивая его.

– Считай, что уже сделал!

В очень короткой юбченке, белой шифоновой рубашке, пестром галстуке и вполне приличном жакете, с красной розой в волосах она встретила его в фойе универа, как ни в чем не бывало. Как будто не было перерыва в три года, за которые они не виделись, если

не считать той скоротечной встречи в редакции «Реликта». Герман невольно обратил внимание на ее очень стройные загорелые бедра и голени. У него образовалась какая-то ноющая пустота в груди, когда, остановившись в шаге от девушки, он посмотрел ей в глаза, полные задумчивой серьезности и едва сдерживаемого огня.

– Ну, и как я – тебе? – спросила она, слегка коснувшись ладонью прекрасных волос. – Нравлюсь?

Вопрос был чересчур откровенным. Не ожидая ничего подобного Дот заметно смутился.

– Могла бы и не спрашивать!

– Значит, очень нравлюсь? Только отвечай честно!

– Зачем? Зачем тебе это знать?

– Все – очень просто! Я хочу сразу расставить некоторые непонятки по своим местам!

– То есть? – не совсем понял Герман.

Слегка склонив голову, Окси вдруг метнула в него взгляд исподлобья.

– Так, у тебя есть девушка или нет?

– Нет! – честно признался он.

– Очень плохо!..

Он заметил, как по губам ее скользнула едва приметная усмешка.

– С какой целью ты это спрашиваешь?

– Как – это, с какой? Шпионские сведения собираю!

– Ну, и дела!.. Выходит, ты – разведчица! И на кого работаешь?

– На себя, любимую, конечно! На кого же еще?

В это время кто-то окликнул Окси.

– Ладно! Хорош базарить!.. Нас уже ждут!

И Окси сделала Герману знак, чтобы он следовал за ней. После чего стала быстро подниматься вверх по широкой лестнице с гладкими дубовыми перилами, ловко избегая столкновения со студентами, которые попадались ей навстречу.

– До начала фестиваля – еще целый час! – вводила она практиканта в курс дела по дороге в актовый зал. – Еще есть время, как следует, все отрепетировать...

И, требовательно глянув на него, она деловито добавила:

– А ты пока приготовь свою пушку! Смотри, только, и впрямь, не убей никого!

– Ты так говоришь, что я непременно это сделаю! И ты будешь первой моей жертвой!

– Скажи, когда ты успел меня так возненавидеть?

– Три года назад!

19

– Так, ты – сын Виталия Семеновича?

– А вы откуда знаете? – притворно удивился Герман.

Но человек в погонах сделал вид, что не заметил его иронии.

– А меня зовут Георгий Самойлович Стодевятов! Может помнишь... Я в свое время к вам на хату изредка навещался, когда обстоятельства по работе вынуждали, и с твоим папаней срочно требовалось кое-какие очень важные вопросы утрясти!.. Хотя... Мал ты тогда еще был...

И полковник внимательно посмотрел на Дота. Это был мужчина средних лет и среднего роста, с копной жестких и черных, как смоль, волос и сединой на висках, крепкого сложения. С мохнатыми бровями, из-под которых на мир со знанием дела угрюмо взирали глаза, похожие на два кристально-чистой воды озера. Казалось, окунешься в них и не выплывешь, даже если спасательный круг тебе кинут.

– Да, пожалуй, есть сходство!

– В чем – это, интересно? – нахально усмехнулся Герман.

Но начальник отдела по борьбе с организованной преступностью и не думал на него сердиться. Недоверие к его персоне и, в результате этого, некоторая доля сарказма со стороны молодого человека, который едва переступил порог своего двадцатилетия, казались ему вполне естественными.

– Взгляд у тебя, точь-в-точь, как у него, с затаенным огоньком внутри! И выражение лица такое же... Дерзкое, решительное! Смотрю я на тебя, парень, и как будто его, Семечку, вижу! Слово бы, и не было того выстрела прямо в голову! И живой – он до сих пор и невредимый!..

– Зачем вы мне все это говорите? За душу тронуть хотите? И, чтоб слезу я пустил? Не дожидетесь!

– А я и не жду!

– И правильно делаете!

– Я понимаю! Не хочешь ничего говорить, так и не надо! Только твой отец не одобрил бы твоего поведения...

– Опять вы – про свое! Нечего мне вам сказать! Не че го!

Германа начинала не на шутку злить вьедливость этого матерого законника.

– А меня ваш Главный убеждал, что есть! Как это понимать?

– Как хотите!

– Твой отец скольких наркоманов переловил да пересажал! Пальцев на руках не хватит, чтобы всех пересчитать!

– А вы не считайте! А то ненароком ошибетесь и чужие заслуги припишете тому, кто вас об этом никогда не просил!.. А теперь... Тем более, не попросит...

– Ты не очень-то вежлив со старшими, Герман!

– Извините, конечно! Но и вы поймите меня правильно... Я действительно ничего не знаю об этом человеке в солнцезащитных очках и черной куртке! Сперва мне показалось, что я уже видел его прежде! Да и то, это может быть совсем не он! С тех пор три года минуло... И тогда он не носил ни бороды, ни усов!..

– Ну, и ладно!.. Ступай себе с богом!

И Георгий Самойлович Стодевятов, достав платок из кармана, шумно высморкался в него.

– Если не дорожишь своей жизнью, так пусть этот опасный преступник на свободе гуляет! Я-то, прежде всего, хотел тебе помочь и другим ни в чем перед ним неповинным

людям, которым он, если еще пока что пулю между глаз не всадил или ножичком горло не полоснул, то это – лишь дело времени!..

«Знаю я, как вы помочь хотите! Хватит с вас того, что моего отца уже нет в живых!..» – примерно, так подумал про себя Дот.

– Так, я могу идти?

Демонстративно отвернувшись, Георгий Самойлович ничего ему не ответил.

– Папаню твоего!.. Один из таких же гадов и порешил! – уже выходя из кабинета начальника ОБОП, услышал Герман вдогонку.

Вот достал! Надо ж, клещ при погонах! В самое больное вцепился! И вырвать его оттуда никакими щипцами нельзя! Зря он тогда Константину лишнее сболтнул про типа, которого он видел возле филармонии! Ведь Герман в точности не знал, был ли тот в действительности ухажером Окси в прошлом? И являлось ли убийство Чудова делом его рук? Он лишь предположил это. Конечно же, Константин не мог не рассказать об их разговоре Главному. А тот сообщил в полицию, чтобы придать больше статуса собственному детищу, то есть «Реликту»! Газете, которая занимает ярко-выраженную гражданскую позицию и не мирится с теми, кто преступает закон. Вот полковник и наехал на Германа, точно асфальтовый каток, чтобы нужную информацию отжать. С другой стороны, Дот не мог не поделиться своими сомнениями и догадками с Костей, у которого практиковался. Тот и не предполагал, что Тео захочет извлечь из этого столь опасную выгоду! Неужели, Вернис все измерял только выгодой, которую ему приносил «Реликт»?

Герман ничего не сказал Стодевятову потому, что не хотел подставлять Окси. Ведь это из-за владельца «Порша» она в свое время перестала появляться в школе, а Дота несколько часов подряд продержали в полицейском участке. При случае Дот решил немного подробнее расспросить про ту историю у самой Худояровой. Естественно, если она согласится говорить с ним на эту тему. А, если – нет? В любом случае, давить на нее он не станет!

Герман решил не оттягивать долгожданную встречу с Окси, тем более, что ее номер теперь имелся в памяти его сотового.

Он вдруг вспомнил, как после весеннего бала, которым закончился фестиваль под названием «Черемуховый цвет», она с улыбкой подошла к нему в костюме очаровательной бабочки с крыльями за спиной, в который успела переоблечься по ходу мероприятия, и спросила:

– Тебе понравилось?

– Да, очень! – просто ответил он.

– Значит, и тем, кто будет читать про это тоже должно понравиться! Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Баш – на баш! Если ты позволишь проводить тебя до дому, завтра утром материал будет сдан в печать!

Окси с сомнением посмотрела на Дота.

– Не врешь?

Он безразлично пожал плечами.

– Как знаешь!

Демонстративно отвернувшись от нее, он собрался уже уйти...

– Ладно! погоди, я только переоденусь!

И она быстрым шагом направилась из редющего зала со зрителями за кулисы сцены. Потом они шли по улицам вечернего города и говорили о разном.

– Так, ты хочешь стать журналистом? – спросила она.

– Почему бы, нет? Эта – профессия ни чем не хуже других!

– Я не говорю, что хуже! Я говорю, есть ли у тебя к ней способности, и нравится ли тебе она?

– Костя говорит, что я – прирожденный репортер!

– А кто такой – Костя?

– Костя? Костя – правая рука Тео и мой шеф!

– А!.. Это – тот лысый? С козлиной бородкой?

Герман от неожиданности слегка насупился.

– Кос – отличный жур! И бородка у него – нормальная!

Окси понимающе кивнула.

– Ну, извини! Не хотела я обидеть твоего жура!

Они не заметили, как очутились возле подъезда ее дома.

– Спасибо, что проводил!

И Окси прижала чип к гнезду замка. Тот пискнул, и она потянула за ручку двери.

– Постой! А, как я тебе сообщу, что статья готова? У меня, ведь, даже нет номера твоей машины!

– А ты не много хочешь?

– Но, ведь, это...

Герман пару секунд подбирал нужные и весьма убедительные доводы.

– Это для дела нужно!

На лице Окси мелькнуло сомнение. Но, как видно, желание поскорее увидеть материал о весеннем фестивале в газете, оказалось сильнее.

– Ладно! Для дела, так – для дела! – наконец, сказала она.

– Твоя взяла!..

20

Уже подходя к ее дому, он позвонил ей.

– Ты не могла бы ненадолго спуститься во двор?

– Это еще зачем? – с трудом сдерживая недовольство, поинтересовалась она.

– Разговор серьезный есть!

– Если ты о том, что...

– Обещанного три года ждут?

– И еще три месяца, три недели и три дня! – ехидно заявила она.

– Нет, я – не об этом!

Она пренебрежительно хмыкнула в трубку.

– Тогда нам с тобой вообще разговаривать не о чем!.. К тому же, у меня дел – по горло!

И из квартиры я сегодня – ни ногой!

И она отключила сотовый.

– Ах, вот ты – как, значит?!

Было еще светло, и на тот случай, если, все ж таки, Худоярова решит пренебречь собственными намерениями и глотнуть свежего воздуха, Герман сел на лавочку в самой глубине двора того дома, где жила Окси, чтобы не рассекретить своего присутствия в нем...

Ждать ему пришлось недолго. Примерно, минут через двадцать, как ни в чем ни бывало, она вышла из подъезда. Зачем-то, оглядевшись по сторонам, поспешила к ближайшей арке и скоро исчезла в ней. Герман встал со скамейки и направился вслед за девушкой. Для чего ему это было нужно, он и сам толком не понимал. Окси явно не хотела встречаться с ним. Вероятно, на этот вечер у нее были совсем другие планы.

Стараясь оставаться незамеченным, Дот шел за Окси буквально по пятам. Это было совсем несложно на улице, кишасей людьми. Где-то через пару кварталов девушка остановилась у обочины дороги. Буквально тотчас в шаге от нее с визгом притормозил черный «Порш Кайен». Не успела она опомниться, как дверка открылась и тот, кто сидел в машине, схватив Окси за руку, резко потянул на себя. Затем дверка захлопнулась. Дымнув, машина резко рванула с места в карьер.

Минуты две Герман стоял, словно громом пораженный! Конечно же, это был он! Бывший ухажер Окси и предполагаемый убийца Чудова! По крайней мере, двух ухажеров, которые бы ездили в одинаково черных «Поршах» у Окси не могло быть. В подобное совпадение очень сложно было поверить. Вдобавок, этот тип не отличался вежливостью при обращении с девушками... Вывод напрашивался сам: так грубо схватить себя за руку, Окси, которая терпеть не могла вульгарного обращения с собой, могла позволить только одному человеку! Хозяину черного «Порша», который, когда ему, видимо, хотелось поразвлечься, распоряжался ею, словно собственной вещью!..

Герман, как ни силился, не мог собраться с мыслями. Он стоял в полной растерянности перед зданием какого-то маркета и совершенно не знал, как ему дальше себя вести. К счастью, это продолжалось недолго... До тех пор, пока вскоре ноги сами не понесли его, не разбирая пути, напрямки к собственному дому...

21

– Откуда ты взялся? – это было первое, о чем Окси спросила Василия, когда она вдруг очутилась на переднем сидении его «Порша».

От удивления девушка еще какое-то время не могла придти в себя.

– Так же, заикой сделать можно!

– А ты – что, не рада меня видеть? Не соскучилась, что ли?

И, больше не говоря ни слова, Василий нажал на газ. Он был первым мужчиной в жизни девушки, который буквально взял ее силой, ни у кого не спросив на это разрешения. Тем более, у нее самой. Его удивительная наглость, как ни странно, пришлась ей по душе. Она всегда мечтала о сильном мужчине! Настоящем мачо, а не хлюпике и тюфяке, который постоять за себя-то не может, а не то, что с девчонкой сладить...

Они познакомились, когда... В общем она шла со школы по улице, и уже собиралась перейти дорогу в неположенном месте, когда черная иномарка, резко затормозив, и, издав устрашающий звук, какой издают колеса при шуршании об асфальт, неожиданно преградила ей путь.

– С тебя – штраф! – нахально щерясь, заявил водитель, выйдя из «Порш Кайена».

– А вы – кто? Сотрудник патрульно-постовой службы?

– Еще хуже! – ответил он, не переставая ухмыляться.

– Неужто, бывает хуже?

– Конечно, бывает! Например, «Жигули» – хуже «Порша»!

– А бессовестно врать – лучше, чем говорить правду?

– Я и не вру! Так! Приукрашиваю немного!

Окси сердито сдвинула брови и решительно зашагала прочь... Но не успела она пройти и двух шагов, как его кисть, словно железный обруч сомкнулась на ее запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.